

ТИНА ГАБРИЭЛЛ

ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ -
СОПЕРНИКИ

Тина Габриэлл
Возлюбленные-соперники
Серия «Адвокаты Регентства», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6377306
Габриэлл, Тина *Возлюбленные-соперники* : [роман] : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-081470-1
Оригинал: TinaGabrielle, "IN THE BARRISTER'S BED"
Перевод:
Алла Юрьевна Фролова*

Аннотация

Джеймс Девлин привык рассчитывать лишь на себя, сумел обрести профессию и положение в обществе, но однажды выяснилось, что он теперь наследник титула и состояния герцога Блэквуда!

Разве плохо владеть старинным поместьем? Но на имение претендует еще и гордая красавица Белла Синклер. Прав у нее нет, зато с избытком решимости отстаивать собственный дом.

Сначала ярость Беллы забавляет Девлина, затем начинает раздражать – а потом ему приходит в голову, что прелестная умница жена совсем неплохое дополнение к роскошной усадьбе.

Что это – легкомыслие? Роковая ошибка? Или начало настоящей, страстной любви?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Тина Габриэлл

Возлюбленные-соперники

Tina Gabrielle

IN THE BARRISTER'S BED

© Tina Sickler, 2012

© Перевод. А.Ю. Фролова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Печатается с разрешения издательства Zebra Books an imprint of
Kensington Publishing Corp. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Глава 1

10 мая 1819 года

Лондон, Центральный уголовный суд Олд-Бейли

Председательствующий – distinguished Бернард Батуэлл

– Ты незаконнорожденный. Как ты можешь что-то унаследовать?

– Мой отец хотел, чтобы это досталось мне, – объяснил Пампкин О’Дул.

– Поэтому ты просто вломился в дом мачехи и взял эту вещь? – Вперед вышел прокурор Абрамс, держа в руке карманные золотые часы.

– Ну, сначала я постучал. – Пампкин шумно вздохнул. – Она выглянула в окно – я видел ее лицо в щели между шторами – и не открыла дверь.

– И все же ты взял часы. Незаконность твоего происхождения лишает тебя права претендовать на собственность отца, – заявил Абрамс.

Джеймс Девлин, сидевший за столом защитника, вскочил.

– Возражение, ваша честь. Предметом рассмотрения является не факт незаконного рождения мистера О’Дула. Мы говорим о пропавшем завещании. Если бы обвинение потратило на поиски завещания столько же усилий, сколько оно тратит на преследование скорбящего сына, мы бы сегодня не были в суде.

Судья Батуэлл, коренастый мужчина, настолько приземистый, что над столом виднелась только его увенчанная париком голова, задумчиво пошевелил губами и покосился на Абрамса.

– Обвинение имеет представление, где может находиться завещание?

Прокурор энергично помотал головой:

– Нет, ваша честь. Стряпчий, который составлял завещание, умер. Оригинал документа был передан мачехе мистера О’Дула.

– И лежит, спрятанный под ее матрасом, – пробормотал Джеймс.

– Возражение! – выкрикнул прокурор.

Шесть из двенадцати членов жюри засмеялись, на лицах еще двоих появилась критическая ухмылка.

И Джеймс Девлин понял, что дело в шляпе.

Присяжные не любят слишком агрессивных прокуроров еще больше, чем преступников. Пампкин О’Дул, будучи обнищавшим незаконнорожденным сыном, при отсутствии завещания не получал ничего.

Никто не понимал этого лучше Джеймса.

Ну по крайней мере Пампкин О’Дул сегодня не будет казнен.

В окно лился теплый солнечный свет и раскалял воздух в переполненном зале суда. На галерее для зрителей были заняты все места. Люди сидели на деревянных скамьях и внимательно следили за происходящим, негромко переговариваясь. Простолюдины – мужчины и женщины в изношенных платьях и заплатанных штанах и куртках – сидели рядом с роскошно одетыми богатыми купцами и элегантными представителями знати. Женщины обмахивались веерами, поскольку температура в помещении с каждой минутой поднималась. На лбах мужчин выступил пот, словно капли воды на хорошем масле.

Все они собрались в Олд-Бейли, чтобы увидеть своими глазами, как человека приговорят к повешению, но теперь искренне болели за него. В суде, как в театре, человеческие симпатии и антипатии меняются очень быстро.

Джеймс сконцентрировал все свое внимание на двенадцати членах жюри. В основном работяги, подумал он. Хотя, конечно, не все. У одного из них было покрытое морщинками

лицо, но ни одна из них не говорила о его привычке улыбаться. У другого были темные, как черный кофе, руки и неухоженная борода. Красильщик, в этом можно не сомневаться. А третьему было не больше двадцати – золотистые кудри обрамляли гладкое лицо херувима.

Услышав резкий женский смех, Джеймс повернул голову. Мачеха Пампкина – породная женщина с медно-рыжими волосами и ярко-красными губами – громко смеялась, сверля пасынка злыми глазами, из первого ряда. Рядом с ней сидел начавший лысеть мужчина с красным, покрытым синими прожилками лицом запойного пьяницы. Его бедро касалось ее юбок.

Не похожа она на горюющую вдову. Не теряя времени, нашла любовника, подумал Джеймс.

Физиономия женщины исказилась в злобной улыбке. Она ткнула в сторону Пампкина толстым пальцем и громко выкрикнула:

– Вор! Хам! – Затем она с откровенным презрением уставилась на Джеймса, его черную мантию барристера¹ и парик.

Джеймс в ответ весело улыбнулся.

Затем выступил прокурор Абрамс, заявив, что в завещании нет никакой необходимости – мол, и так все очевидно, вслед за ним – Джеймс, указав, что только у вдовы есть мотив желать, чтобы завещание так и не было бы найдено. В конце трое свидетелей подтвердили честность и порядочность Пампкина.

В середине заключительной речи прокурора на лице судьи проступила тень раздражения.

– Пожалуй, на сегодня хватит. Поскольку наступило время ленча и все свидетели выступили, я прошу членов жюри присяжных обдумать свой вердикт.

Это был уже пятый вердикт за утро, и до конца дня предстояло рассмотреть еще полдюжины дел. Присяжные собрались в углу и стали переговариваться, оживленно жестикулируя. Они говорили шепотом, но почти все было слышно. То и дело кто-то из них выкрикивал: «Виновен!», «Ублюдок!», «Сурово наказать!»

Спустя три минуты старшина присяжных, похожий на средневекового алхимика мужчина с живыми карими глазами за толстыми стеклами очков, одетый в помятый костюм и заляпанную спереди рубашку, встал и торжественно объявил:

– Мы считаем Пампкина О’Дула невиновным в краже со взломом.

Подсудимый завопил от радости; на его круглом лице расцвела улыбка – от уха до уха, – и он с энтузиазмом пожал Джеймсу руку. Зрители криками выразили свою поддержку вердикту и сочувствие Пампкину.

Вдова встала и поспешно вышла из зала. Ее проводили улюлюканьем. Любовнику пришлось догонять ее вприпрыжку.

Секретарь суда отдал часы – предмет разбирательства – Джеймсу, который, в свою очередь, протянул их своему клиенту.

– Жюри поверило, что отец сам хотел отдать их тебе, – сказал защитник. – Но теперь постарайся держаться подальше от неприятностей, Пампкин. И не вздумай завтра же отправиться продавать эти часы.

Пампкин моргнул.

– Часы – это самое меньшее, что старик мог для меня сделать, вы же понимаете?

«О да, понимаю. Но я-то не получу от отца даже чертовых часов», – мысленно усмехнулся Джеймс.

¹ Барристер – адвокат, имеющий право выступать в высших судах, в отличие от стряпчего (солисителя) – адвоката, консультирующего клиента, подготавливающего дела для барристера и выступающего только в судах низшей инстанции.

Молоток судьи Батуэлла стукнул, и подсудимого вывели из зала. Джеймс кивнул Абрамсу, чье раздражение из-за проигрыша было очевидно. Губы прокурора сжались, а во взгляде не было ни капли дружелюбия. Абрамс отвернулся и стал готовиться к новому делу. В Олд-Бейли не теряли ни минуты.

Джеймс собрал бумаги и направился к выходу из зала, чувствуя, что взгляды зрителей на галерее прикованы к нему. Нечасто защитником в суде по криминальному делу выступал барристер, и еще реже ему удавалось выиграть дело у обвинения.

Он уже подошел к двери, когда откуда-то сзади раздался голос:

– Одну минуту, мистер Девлин.

Джеймс обернулся и посмотрел на пожилую женщину, сидевшую в последнем ряду. Одета в серое платье, украшенное крупной брошью из оникса, напоминавшей паука, она сидела на деревянной скамье очень прямо, сложив руки на коленях.

Этого не может быть, подумал он.

Но тут до него донесся аромат ее духов – этот резкий сладкий цветочный запах невозможно было спутать ни с каким другим.

Вдовствующая герцогиня Блэквуд.

– Что вы здесь делаете? – поинтересовался Джеймс.

– Вот, значит, как ты приветствуешь собственную бабушку?

Он сухо и цинично усмехнулся:

– Я не видел вас много лет, так что... да.

На лице герцогини появилось выражение оскорбленной добродетели. И еще вымученной терпимости.

– Ты, как всегда, грубо прямолинеен.

– Почему вы здесь?

– Я принесла тебе печальные вести. Твой отец умер.

Джеймс замер. Его не должно было это заботить, и все же он ощутил нечто похожее на удар в солнечное сплетение. Голос наполнился горечью:

– Вам не следовало доставлять эту весть лично, ваша светлость. Записки было бы достаточно.

Герцогиня огляделась.

– Нам необходимо поговорить с глазу на глаз. В этом цирке найдется тихое место?

Джеймс окинул женщину задумчивым взглядом. В здании суда была комната для консультаций с клиентами, но черта с два он согласится уединиться с ней в крошечной клетушке, если не будет знать, с какой целью она явилась.

– Это действительно необходимо?

– Если хочешь, мы можем поговорить в моей карете.

Комнатенка для консультаций неожиданно показалась Джеймсу невероятно привлекательной. Из нее он мог уйти в любой момент, когда захочет.

– Следуйте за мной. – Он склонился перед бабушкой, она встала. Росту в ней было около пяти футов.

Эта женщина имела грозный вид и осанку королевы, что подчеркивало ее высокое происхождение. Джеймсу доводилось неоднократно видеть, как перед ней – хрупкой дамой с пронизательным взглядом, туго стянутыми в узел седыми волосами и выправкой британского бригадира с шомполом в руке – съеживались и дебютантки, и маститые лорды.

Они бок о бок вышли из зала суда. Обладавший немаленьким ростом Джеймс нависал над ней словно башня. А в коридорах Олд-Бейли кипела жизнь. Барристеры в черных мантиях вводили в залы свидетелей, суетились клерки с документами, у стен стояли люди, ожидавшие вызова.

Пройдя несколько шагов, Джеймс остановился перед дверью с медной табличкой «Консультации». Он открыл дверь и придержал ее, пропустив вперед герцогиню, которая гордо прошествовала внутрь.

Стены комнаты были увешаны книжными полками, битком набитыми потрепанными книгами по вопросам права. В углу стоял слегка облезлый стол и несколько деревянных стульев. В отличие от переполненного зала суда, где было трудно дышать от смрада немытых тел, в комнате для консультаций пахло только пылью. Герцогиня с видимым неудовольствием огляделась, потом внимательно осмотрела стулья и выбрала один, на который величественно опустилась. Джеймс расположился напротив.

– В этом месте нет мягких стульев? – поморщившись, поинтересовалась она.

Джеймс проигнорировал вопрос и снял парик. Он взъерошил рукой свою непокорную шевелюру и сделал глубокий вдох, прежде чем заглянуть в ярко-синие глаза женщины, имевшие точно такой же оттенок, как и его собственные.

– Какая срочность заставила вас явиться сюда лично и потребовать беседы наедине?

– Я же сказала – твой отец мертв.

– Сожалею, ваша светлость. Полагаю, мой единокровный брат Грегори очень занят, принимая на себя обязанности герцога.

– Грегори не является новым герцогом.

– Что вы хотите этим сказать?

– То, что новый герцог Блэквуд – ты.

Какое-то время Джеймс хмуро размышлял, правильно ли расслышал бабушку, потом невесело усмехнулся:

– В какую игру вы играете?

– Это не игра.

– Позвольте напомнить вам, ваша светлость, что я незаконнорожденный. Иначе говоря – ублюдок.

Аристократический нос герцогини вздернулся на дюйм выше – Джеймс и не думал, что это возможно. Видимо ей слишком сильно не понравился его лексикон.

– Мы все так считали. Но недавно я узнала о новых обстоятельствах. Оказывается, твои родители были официально женаты, и произошло это до твоего рождения.

Джеймс молча уставился на бабушку, неожиданно лишившись дара речи. Вообще-то он гордился своей выдержкой. Мало что могло вывести его из равновесия в зале суда, в его комнатах в «Линкольнз инн» или в спальне. Но вдовствующей герцогине это удалось уже дважды за минуту.

Что она задумала?

Женщина сидела неподвижно и лишь напряженно всматривалась в его глаза.

– Это правда. Твой отец признался мне на смертном одре. Я всегда знала, что твоя мать была служанкой и сбежала с твоим отцом, когда ему едва исполнилось семнадцать. К этому поступку я могла отнестись только как к пьяной глупости юнца, приехавшего на каникулы из Оксфорда и ударившегося по этому поводу в загул. Только много лет спустя я узнала, что он официально женился на девушке в Гретна-Грин. Четырьмя месяцами позже твоя мать умерла при родах. Твой отец по моему настоянию женился на твоей мачехе, которая произвела на свет Грегори и тоже умерла. Так что ты на самом деле являешься законным сыном своего отца и новым герцогом Блэквудом.

Джеймс, разумеется, знал, что его мать была служанкой в имении, – его бабушка и единокровный брат Грегори слишком часто ему об этом напоминали.

– Ты должен как можно скорее принять герцогство, – непререкаемым тоном заявила бабушка.

– Столько лет семья шарахалась от меня как черт от ладана, считая ублюдкой, а теперь вы сообщаете, что я в действительности являюсь герцогом? – В голосе Джеймса звучал отчетливый скептицизм.

– Это была досадная ошибка.

Досадная ошибка? Неужели она не просто холодна, как он всегда считал, а вся состоит из одного только льда?

– Не будь неблагодарным, Джеймс. – Бабушка поморщилась. – Я всегда оплачивала все твои потребности: одежду, учителей, обучение в Итоне.

Джеймс прищурился.

– Как он умер?

– Сейчас это не имеет никакого значения.

– Как?

Она нетерпеливо пожала плечами.

– Он выходил из конторы поверенного после продажи одного из своих поместий и упал. Неделий позже умер. Не выдержало сердце.

– Какого?

– Прости, не поняла.

– Какого поместья?

– Уиндмур-Мэнор.

– Почему он продал Уиндмур?

На лице герцогини мелькнула тень гневного раздражения.

– Какая разница?

Большая разница. Очень большая. Для него. Уиндмур-Мэнор – единственное безопасное место, которое он знал, будучи ребенком. Только там старый герцог когда-то относился к нему как к сыну. Но он вовсе не собирался объяснять это сидящей перед ним женщине.

Джеймс встал, намереваясь немедленно уйти и оказаться как можно дальше от бабушки. Ему показалось, что воротник мантии впился в шею, не давая дышать. Нужно было время, чтобы переварить шокирующие новости. Он взялся за дверную ручку.

– Итак, с чего ты собираешься начать как мой внук и законный герцог Блэкмор? – требовательно спросила бабушка.

Джеймс повернулся и окинул ее холодным взглядом.

– Выкуплю Уиндмур-Мэнор.

25 мая 1819 года

Уиндмур-Мэнор, Хартфордшир

За ее окном был мужчина.

Белла Синклер слышала его шаги – их звук заставил ее вскочить и заметаться по комнате. На мгновение от панического страха сдавило грудь – девушка подумала, что это Роджер пришел в ее спальню.

Но Роджер был мертв.

Слава Всевышнему. Роджер теперь лежит в холодной могиле.

Она прижалась спиной к стене. Был прохладный майский вечер, и холод от стены быстро проник сквозь тонкую ткань ночной рубашки. Руки покрылись гусиной кожей. Вздохнув, она покосилась на окно.

Там между азалиями и кустом роз тихо двигалась одетая в черное фигура.

Белла подумала, что другой бы ничего не услышал, но годы практики обострили ее чувства. Ее слух всегда был настроен на нежеланные звуки осторожных шагов мужчины, крадущегося к ее двери, едва слышный скрип половиц на пороге спальни.

Стиснув рукой занавеску, она снова выглянула в окно и с досадой обнаружила, что потеряла из виду непрошеного гостя. Полная луна, казалось, играла в прятки, выглядывая то из-за одного мрачного облака, то из-за другого. Тени казались затаившимися и изготовившимися к прыжку львами. Белла медленно обвела глазами террасу, фонтан и сад и наконец заметила его.

Фигура направлялась к передней двери.

Уиндмур-Мэнор был пуст, если не считать Харриет, которой уже давно перевалило за семьдесят. Белла приехала сюда только несколько дней назад и еще не успела нанять слуг.

С отчаянно бьющимся сердцем она схватила первую попавшуюся вещь, которую можно было считать оружием – каминную кочергу, – и на цыпочках вышла из спальни.

В коридоре было темно, но Белла не осмелилась зажечь свечу. Рано утром она обследовала все комнаты, коридоры и залы дома с восторгом девочки, впервые попавшей на деревенскую ярмарку. Она знала длину и ширину коридора и число ступенек главной лестницы. Впервые за последние семь лет она почувствовала себя дома.

Как посмел незнакомец вторгнуться в ее мир?

Она проскользнула мимо нераспакованных сундуков и ящиков, грудой лежавших на лестничной площадке, и медленно пошла вниз по лестнице. Босые ноги холодила мрамор ступенек. Приблизившись к двери, она сжала обеими руками кочергу и подняла над головой, готовясь нанести удар.

В окне у двери показалось оранжевое сияние. Незнакомец зажег лампу.

Странно.

Он подергал дверную ручку.

Заперто. Разумеется, ведь она сама закрыла дверь, перед тем как лечь спать.

Преступник будет вынужден разбить окно или сломать замок. Кровь потекла по жилам быстрее, зашумела в ушах.

Потом она услышала звяканье ключей. Прошло несколько секунд, и ключ скользнул в замок.

Невозможно!

Ключ повернулся, и дверь распахнулась настежь. Через порог шагнула закутанная в плащ фигура.

Белла изо всех сил размахнулась кочергой.

Незнакомец двигался настолько бесшумно и быстро, что она не успела даже опомниться, как оказалась прижатой к стене гибким сильным мужским телом. Кочерга выпала из рук и с грохотом рухнула на мраморный пол. Большая ладонь зажала Белле рот, не дав закричать.

– Не стоит, – проговорил уверенный мужской голос. – Не надо кричать и призывать на помощь своих преступных дружков.

Незнакомец поднял лампу повыше, и девушка поняла, что он легко обезоружил ее и прижал к стене, воспользовавшись для этого только одной рукой – вторая была занята лампой.

Ее охватил страх, к которому примешалась изрядная доля гнева. Сердце трепетало. Мужчина, прижимавший ее к стене, был высоким, широкоплечим и сильным. Лампа освещала его лицо. Белла заглянула в синие глаза, отметила, что волосы у него темные и слегка выются, а черты лица правильные. Выражение лица было суровым, губы сжаты.

– Сейчас я уберу руку, чтобы мы могли поговорить, но вы не должны кричать, договорились?

Белла кивнула. Мужчина отстранился и ногой захлопнул дверь. Он поставил лампу на ящик, которых было много и здесь, и убрал ладонь с лица девушки, впрочем, переместив ее на горло.

– Кто вы такой? – прохрипела она.

– Джеймс Девлин, герцог Блэквуд.

Герцог? Боже правый! Что герцог забыл в Уиндмур-Мэноре?

Хотя... Он произнес свой титул как-то скованно, робко, словно не привык к нему. Быть может, он и не герцог вовсе? Ведь он вполне может оказаться одним из местных бандитов, который, прослышав, что в Уиндмур-Мэноре новая хозяйка, явился, чтобы пожить тем, что плохо лежит. Скорее всего дело обстоит именно так. Это больше похоже на правду. Герцоги не путешествуют без толпы слуг и роскошной, украшенной гербом кареты.

Мужчина откровенно оглядел Беллу с ног до головы, и она остро почувствовала, что на ней только ночная рубашка – и ничего больше.

– Теперь ваша очередь. Кто вы такая и что делаете в моем доме?

– Меня зовут Белла Синклер, и я хозяйка этого поместья.

Если она считала, что уже не в силах встревожиться еще сильнее, то здорово ошиблась.

Мужчина надменно выгнул темные брови, и выражение его лица стало еще более суровым.

– Вы лжете. Со вчерашнего утра владелец этого поместья я.

Глава 2

Инстинкт не обманул Беллу. Джеймс Девлин был не герцогом, а самым настоящим преступником.

Она с трудом проглотила вставший в горле комок, гордо подняла голову и смело встретила его тяжелый взгляд.

– Уверяю вас, я не лгу. Кем бы вы ни были – а у меня есть все основания сомневаться, что вы действительно герцог, – я требую, чтобы вы немедленно покинули дом.

Мужчина убрал руку, все еще державшую ее за горло. Он стоял всего лишь в нескольких дюймах от Беллы, и она чувствовала исходящее от его тела тепло.

Его глаза были холодны и спокойны.

– Вы требуете?

Белла почувствовала угрозу, и у нее отчаянно забилося сердце. Девушка понимала, что рискует, но не могла позволить себе отступить. Если она проявит слабость, этот человек... проглотит ее целиком!

– Я вызову констебля! – заявила она.

– Констебля? Позвольте полюбопытствовать, мисс Синклер, как вы собираетесь это сделать?

– Я миссис Синклер.

– Ах вот как? Приму к сведению. И где же ваш супруг?

– Белла? – Голос донесся со стороны лестницы. – Я слышала странные звуки. Ты внизу? Нет, только не Харриет!

Белла всерьез забеспокоилась, увидев, как старая женщина, одетая в синий халат, тяжело спускается по лестнице с массивным подсвечником в руках.

– Все в порядке, Харриет! – бодро воскликнула Белла. – Просто джентльмен заблудился, но уже уходит. Можешь вернуться в постель.

Белла с тревогой уставилась на незнакомца.

– Она всю жизнь служила нашей семье и стала скорее родственницей, чем служанкой. Прошу вас, если вы действительно герцог, не причиняйте ей зла.

Джеймс нахмурился.

– Я и не собирался делать ничего дурного.

Харриет спустилась с лестницы и пошла через холл к двери.

– Заблудившийся джентльмен в середине ночи? – Она подошла ближе и подняла подсвечник – для этого ей пришлось взять его обеими руками. Дрожащее пламя свечей осветило лицо мужчины.

Его лицо приковывало внимание. Темные выющиеся, коротко подстриженные волосы, высокий лоб, твердые и одновременно чувственные губы, сильный подбородок. Его глаза были не такими темными, как ей показалось вначале, но имели необычный сине-фиолетовый оттенок. Герцогу – или кем он там был – не мешало бы побриться, но была уже середина ночи, и физиономии большинства мужчин к этому времени покрывались короткой щетиной. Да это, в общем, и не портило его, а, наоборот, добавляло чуть грубоватой привлекательности. Он был одет в обтягивающие панталоны и белую рубашку, выгодно подчеркивавшую ширину его плеч.

Белла поняла, что незваный гость ее тоже рассматривает. Ей показалось, что его внимательные глаза легко проникли под тонкую ткань ночной рубашки, и она мысленно поблагодарила Всевышнего за то, что распущенные волосы прикрывают грудь.

Джеймс поклонился Харриет.

– Прошу простить мой поздний визит. Меня зовут Джеймс Девлин, герцог Блэквуд. Я не знал, что дом временно занят.

Харриет открыла рот, потом закрыла и уставилась на Беллу.

– Временно? – повторила Белла.

– Предыдущий владелец ничего не говорил об арендаторах.

– Арендаторах? – удивилась Белла.

– Вы всегда повторяете то, что говорят ваши собеседники? – спросил Джеймс.

– Только когда в их словах нет смысла, – огрызнулась Белла.

– Вы считаете, что я взломщик?

– Что я еще должна думать, когда в середине ночи ко мне в дом вламывается мужчина?

Харриет опять открыла рот, явно намереваясь вступить в беседу, но Белла сделала ей знак рукой, призывая к молчанию.

Джеймс натянуто улыбнулся:

– Я не вламывался. Зажег лампу и открыл дверь ключом. Вы когда-нибудь слышали о взломщиках с ключами?

– Вы могли украсть ключи, – предположила Белла.

– Я купил Уиндмур-Мэнор вчера утром. А поскольку мне не терпелось увидеть поместье, сразу поехал сюда.

– Вы, должно быть, ошибаетесь, сэр. – Белла не желала обращаться к нему «ваша светлость». Еще не факт, что он действительно герцог. – Это я купила Уиндмур-Мэнор. Это было три дня назад.

– У кого? – спросил Джеймс.

– У сэра Редмонда Ривза, – сказала Белла.

– Забавно. Дело в том, что Ривз продал поместье и мне тоже.

– И все же я утверждаю, что здесь какая-то ошибка. Зачем сэру Ривзу продавать свою собственность дважды? Вы наверняка купили какую-нибудь другую недвижимость в Хартфордшире. Официальные документы весьма сложны. Возможно, вы что-то неправильно поняли.

Его смех был скорее резким, чем веселым.

– Уверяю вас, это в высшей степени маловероятно. Я десять лет был барристером и умею читать официальные документы.

– Барристером? Только что вы говорили, что являетесь герцогом. И упрекали во лжи меня.

Джеймс вздохнул.

– Я сказал правду. Я действительно барристер. И лишь недавно унаследовал титул отца.

– Хм. Похоже, вы действительно считаете меня идиоткой. Человек, пребывающий в здравом уме, не станет приобретать крошечное поместье вроде Уиндмур-Мэнора, унаследовав герцогство. У вас что, нет более важных дел?

Мужчина невесело усмехнулся:

– В чем-то вы правы. Но причины, заставившие меня купить Уиндмур, вас не касаются.

Белла замерла, подбоченившись.

– Докажите то, что вы сказали.

– Я вернусь завтра утром с документом о передаче прав собственности на Уиндмур.

– Почему вы не принесли его с собой?

– Как я уже сказал, мне не было известно, что дом занят. – Голос герцога звучал сильно и уверенно. – Но не переживайте, миссис Синклер. Я оставил документ в местной гостинице – ее называют «Два барана», – куда заехал, поскольку нуждался в свежей лошади и горячей пище. Завтра я вернусь и привезу его.

Он открыл дверь и покосился на Беллу.

– Предлагаю вам найти и предъявить ваши документы, потому что, имейте в виду, это первая и последняя ночь, которую я проведу вне этого дома. Уже завтра я буду спать в хозяйских апартаментах Уиндмур-Мэнора.

– Он действительно может быть герцогом Блэквудом, – сказала Харриет.

Белла упрямо покачала головой:

– Я не могу поверить в его историю. Она лишена смысла.

Девушка сидела на краю кровати, а Харриет массировала ей плечи. После смерти матери Беллы в доме появилась Харриет, ставшая няней осиротевшего ребенка. Она утешала малышку, когда та рыдала из-за сломанной игрушки или ушибленного пальца, преданно ухаживала за девочкой, а позже во всем помогала девушке и поддерживала женщину. Белла закрыла глаза и попыталась расслабиться. Но на этот раз сильные пальцы Харриет не сотворили привычного чуда – напряжение не проходило.

– Белла, детка, в этом мужчине есть что-то заставляющее поверить в его историю. Я знала мошенников и раньше – твой покойный супруг был одним из них, – но мне кажется, что Джеймс Девлин другой, – сказала Харриет.

Покойный супруг Беллы был не простым мошенником, а исключительно одаренным и талантливым – так сказать, королем плутов. Роджер легко убедил отца Беллы согласиться на их помолвку, когда ей было всего лишь семнадцать лет. Тогда Роджеру удавалось успешно скрывать от всего мира порочность своей натуры.

Теперь только Харриет, всегда остававшаяся рядом с Беллой, знала, каким чудовищем был ее супруг.

– Мы должны быть готовы, на случай если Блэквуд явится завтра со свидетельством на право владения Уиндмур-Мэнором.

Белла непонимающе взглянула на пожилую женщину.

– Но как? Ведь у меня есть свидетельство!

Харриет поцеловала девушку и направилась к двери.

– Тебе бы лучше немедленно отыскать его, девочка, – сказала она и тихо закрыла за собой дверь.

А Белла на несколько минут унеслась мыслями в прошлое. Семь лет она молча страдала, будучи женой Роджера Синклера, и наконец смерть постылого супруга сделала ее свободной. Но эйфория оказалась недолгой. Очень скоро выяснилось, что богатый муж не оставил ей ни шиллинга, завещав все свое состояние церкви. Понятно, что церковь объявила его героем.

Мошенник. Скотина.

Тем не менее Белла была свободна и с радостью приняла бедность, показавшуюся ей все же более привлекательной, чем вынужденная рабская зависимость от мужа.

Никто не знал, с какой невыносимой жестокостью Роджер относился к своей прелестной молодой жене. В ее жизни была одна страсть – с самого детства она хотела стать писательницей. Роджер с легкостью растоптал эту мечту. Он быстро нашел способ контролировать Беллу – при любой попытке неподчинения угрожал уволить Харриет. А самым страшным было физическое насилие, которому он с удовольствием предавался во время регулярных визитов в спальню жены.

Но и этого ему показалось мало. Он отвалил от Беллы всех подруг и знакомых, сплетя замысловатую паутину лжи относительно ее психического состояния. После его смерти соседи отнеслись к ней настороженно и с большим недоверием. От нее отвернулась даже семья местного vicar. Почувствовав враждебность окружающих, Белла решила уехать.

Ее немалое приданое, помогавшее Роджеру делать успешные вложения и увеличивать свое богатство, давно исчезло вместе с драгоценностями покойной матери. А вскоре после

замужества Беллы погиб отец, когда его экипаж перевернулся на дороге. Теперь она осталась одна на свете, и ее будущее представлялось весьма мрачным. Но тут она получила сообщение, что умерла двоюродная бабушка, оставив ей некоторую сумму.

И Белла решила уехать вместе с Харриет в Лондон и начать новую жизнь в сутолоке и суете большого города. По пути в Лондон они проезжали мимо Уиндмур-Мэнора, и Белла с первого взгляда влюбилась в его живописные холмы, поросшие мягкой травой лужайки, великолепный фонтан и элегантный дом. Она представила, что пишет здесь статьи и рассылает во все лондонские газеты. Перспектива показалась ей невероятно привлекательной.

Ближайший город – Сент-Олбанс – был всего в дне пути, поэтому она могла получать газеты и легко отправлять почту. Уиндмур был невелик для сельского имения: всего каких-то сто акров, – но все здесь идеально подходило ей. Наведя справки, Белла с радостью узнала, что Уиндмур-Мэнор продается и платы от арендаторов вполне хватает, чтобы его содержать.

Наконец она дома. Наконец она обрела финансовую независимость. Наконец ее ожидает жизнь без страха.

Мысли Беллы вернулись к настоящему. Она встала и поспешила к маленькому сундучку – единственной вещи, доставшейся ей от матери. Он был инкрустирован слоновой костью и имел красивую перламутровую крышку, резную снаружи и гладкую внутри. Здесь Белла держала миниатюрные портреты родителей, самые дорогие для нее книги, записи, неопубликованные статьи и романы и много других нужных и важных вещей. Она поставила свечу на пол, подняла крышку и долго рылась в сундучке, пока наконец не извлекла стопку официальных документов, перевязанных коричневой ленточкой.

Усевшись на пол, она прижала бумаги к груди и глубоко вздохнула. Надо было успокоиться и лишь потом сосредоточиться на своем будущем. В конце концов, она больше не неопытная юная простушка, которую легко запугать и обмануть.

Ни один мужчина больше не будет управлять ее жизнью.

Уиндмур-Мэнор теперь был не просто ее домом – он стал ее спасением. И независимо от того, является ли Джеймс Девлин герцогом Блэквудом или нет, если он считает, что сумеет легко отобрать у нее все это, то его ждет жестокое разочарование. Она была готова драться за свои права.

Джеймс ворвался в свою комнату в гостинице «Два барана». Дверь с грохотом ударилась о стену, выбив кусок штукатурки.

Его слуга Коутс вскочил с кресла, в котором мирно спал.

– Что случилось?

Джеймс выругался.

– Какого черта ты делаешь в моей комнате?

– Жду вас.

Свеча, которую держал Коутс, почти догорела, и в комнате царил полумрак. Джеймс нервно устремился вперед и врзался в стол.

– Проклятие! – снова выругался он и стал тереть ушиб-ленное бедро.

Коутс бросился зажигать лампу.

– Мне нужно выпить, – простонал Джеймс, дохромал до кресла, которое раньше занимал Коутс, и сел.

Слуга налил виски и протянул стакан хозяину.

– Что произошло, ваша светлость?

– Не смей называть меня этой дурацкой кличкой! Ты обращался ко мне по имени последние десять лет!

Глаза Коутса весело блеснули. Он действительно был слугой Девлина с тех самых пор, как тот завершил обучение и стал барристером. Коутсу ужасно нравился новый титул хозяина. И он с большим удовольствием дразнил его, наслаждаясь его искренней злостью.

– Ты же собирался в Уиндмур-Мэнор, – начал Коутс.

– Ну да. Туда я и поехал.

– Значит, ты из-за этого визита в таком отвратительном настроении?

– Нет. Настроение мне испортила женщина.

Коутс кивнул:

– Это понятно. Речь идет о недовольном муже или о сердитом любовнике?

Джеймс нахмурился. Он знал, что уже давно приобрел репутацию дамского угодника. Да, он любил женщин. Всяких. Известных куртизанок и скушающих замужних дам, одиноких вдов и энергичных клиенток... В обществе таких, как он, называют повесами, шалопаями, распутниками... Короче говоря, названий много, но суть одна. Его любвеобильное сердце в прошлом неоднократно доставляло ему неприятности, и всех дуэлей с разгневанными мужьями он уже и вспомнить не мог. При этом Джеймс как чумы избегал дам из общества, настроенных на брак, и тихо радовался, когда взволнованные мамы, завидев его на том или ином светском мероприятии, выводили из комнаты своих дочерей на выданье – бледных девственниц.

Но сегодня все было по-иному.

– Это не то, что ты подумал, Коутс. Дело в том, что я приехал в Уиндмур-Мэнор и нашел его занятым.

– Занятым? Кем?

– Разъяренной особой, которая утверждает, что является его владелицей.

Джеймс протянул слуге пустой стакан. Тот быстро наполнил его и вернул хозяину, который сразу сделал изрядный глоток.

– Но как это может быть? Тебе понадобилось несколько дней, чтобы отыскать в Хартфордшире джентльмена, которому старый герцог продал Уиндмур-Мэнор, и я был рядом, когда сэр Редмонд Ривз подписал документы.

Все так и было. Узнав, что именно купил сэр Ривз, Джеймс стал разыскивать его по всему Хартфордширу, прежде чем они наконец встретились.

– Этого не может быть. Симпатичная дама – самозванка.

– Она симпатичная? Тогда я понимаю, почему ты ее не вышвырнул, – сказал Коутс.

– Она сказала, что ее зовут миссис Синклер, но в доме я не заметил никаких признаков мужа – там есть только старая служанка. Полагаю, будь миссис Синклер замужем, со мной разговаривал бы ее муж.

– Она может быть вдовой.

– Вдовой или хорошей актрисой. Или и тем и другим.

– Ты считаешь, она солгала, что является владелицей Уиндмур-Мэнора? – спросил Коутс.

– Именно так я думаю. Но если она представит мне документ на право собственности, уверяю тебя, я сумею распознать подделку.

– Что ты собираешься делать? В обоих случаях?

Перед мысленным взором Джеймса предстала Белла Синклер – большие зеленые глаза, изящные черты лица, полные губы и роскошная грива золотисто-каштановых волос. На ней была только ночная рубашка, и хотя белый хлопок закрывал от нескромных взоров все ее тело – от шеи до запястий и кончиков пальцев ног, – он все же не был святошей и не мог не заметить роскошных форм. А когда он всем телом прижал ее к стене, восхитительно полные груди... Впрочем, об этом лучше не думать.

Она вовсе не была утонченной дамочкой и не нуждалась в его внимании. Если бы он не заметил ее тень в окне, она вполне могла проломить ему голову кочергой.

В одном он был уверен: Белла Синклер не намерена сдаваться. Она собиралась бросить ему вызов.

Даже больше, чем женщин, Джеймс Девлин любил, когда ему бросали вызов. А уж комбинация этих двух факторов представлялась ему вообще неотразимой.

Истина заключалась в том, что он совсем было собрался настоять, чтобы самозванка немедленно покинула его дом, но тут по лестнице спустилась старая женщина и в нефритовых глазах Беллы Синклер появился страх. Она попросила не причинять вреда старой служанке, и решимость Джеймса броситься в бой растаяла. Он не был монстром и не хотел стать причиной несчастья обманутой женщины.

Но не желал он и отказываться от дома, который с таким трудом приобрел.

– Так что ты будешь делать? – напомнил о себе Коутс.

– Завтра утром приготовь карету. Я возвращаюсь в Уиндмур-Мэнор.

Глава 3

На следующее утро Белла решительно отбросила черное траурное одеяние и выбрала изящное платье для прогулок изумрудно-зеленого цвета. Она решительно отказалась носить траур в собственном доме, когда не чувствовала никакого горя – только радость освобождения от безжалостного тирана. Она не планировала ехать в Сент-Олбанс и изображать скорбящую вдову, да и зеленое прогулочное платье было ее любимым, и не только потому, что идеально подходило к ее глазам. Дело в том, что это было одно из немногих платьев, которое она носила еще до замужества.

Роджер был одержим одеждой своей молодой жены и лично выбирал каждое ее платье и аксессуары. Белле не позволялось ничего покупать самой – даже пару перчаток – без его одобрения.

После того как Харриет расчесала ей волосы и собрала в тугий узел на затылке, Белла направилась в утреннюю комнату. Она как раз допивала чай, когда услышала шум подъезжающей кареты. Девушка вскочила и подбежала к окну, из которого была видна подъездная аллея.

Весьма впечатляюще сверкая лакированными боками, черная карета, запряженная шестеркой великолепных лошадей, как раз остановилась у входа в дом. Ее дверцы были украшены гербом герцога Блэквуда. Лошади послушно замерли, их лоснящиеся бока блестели под утренним солнцем. Одетый в ливрею лакей спрыгнул на землю и открыл дверцу. Красивый черноволосый дьявол, впервые явившийся ей накануне ночью, вышел из кареты и уверенными шагами направился к входной двери.

Раздался громкий стук дверного молотка.

Господи! Он и в самом деле герцог!

Беллу охватила паника. Она вдруг поняла – ночью этот человек ей не лгал.

Послышались шаги – это подошла Харриет.

– Он здесь, – сообщила старая женщина и протянула визитную карточку. – Что я должна ему сказать?

– Проводи его в гостиную, пожалуйста.

Харриет нахмурилась.

– Будь осторожна, детка. Я чувствую, что с этим человеком нельзя шутить. Хочешь, чтобы я подождала за дверью?

Белла погладила старушку по руке. Харриет собирается остаться за дверью, чтобы защитить ее. Так же, как с Роджером. Только никто не мог защитить ее от негодяя-супруга.

– В этом нет необходимости, Харриет. У меня есть документы. Не волнуйся, я справлюсь.

Выждав несколько минут, Белла направилась в гостиную. На пороге она остановилась, гордо выпрямилась и открыла дверь.

Блэквуд стоял у большого окна рядом с пальмой в кадке и смотрел в сад. Услышав, как открылась дверь, он обернулся.

В отличие от их первой ночной встречи теперь он был безупречно одет – в хорошо сшитый темно-синий сюртук, коричневые панталоны и начищенные высокие черные сапоги. При свете дня он оказался еще выше ростом, а покрой сюртука подчеркивал ширину плеч. Прядь темных волос упала на высокий лоб, придавая ему какой-то заливчатый вид. Но напряженные синие глаза, внимательно ее изучавшие, говорили о внутренней силе, которой не могут похвастать обычные лондонские повесы. У него был вид властный и уверенный – такие люди всегда требуют немедленного подчинения.

Короче говоря, он был настоящим герцогом.

Джеймс поклонился.

– Миссис Синклер, должен ли я сегодня, при дневном свете, представиться как подобает?

Она присела в реверансе.

– По крайней мере вы оказались достаточно деликатным, чтобы постучаться.

Его чувственные губы скривились в усмешке.

– Я решил не пользоваться ключами. Боюсь, вы снова нападете с кочергой или какой-нибудь другой кухонной утварью.

– Вы искушаете меня, ваша светлость.

К немалому удивлению Беллы, герцог весело усмехнулся:

– Мой титул в ваших устах звучит как ругательство, мисс Синклер. Поэтому предлагаю отбросить формальности.

Белла кивнула:

– Согласна.

– Очень хорошо. Уиндмур-Мэнор принадлежит мне. И у меня имеется подтверждающий это документ. – И герцог потянулся за черным кожаным портфелем на ближайшем к нему диванчике.

Дом был куплен у мистера Ривза вместе с мебелью. Это оказалось кстати, поскольку Роджер завещал церкви не только все состояние, но и мебель. Белла покинула дом, в котором семь лет считалась хозяйкой, только с личными вещами, которые находились в ее спальне. Ну разве что прихватила с собой еще несколько полезных предметов, которые они с Харриет вовремя догадались спрятать.

Блэквуд открыл портфель, достал лист бумаги и протянул ей.

– Это свидетельство на право владения домом, выданное мне.

Она взяла бумагу на удивление твердой рукой, но дальше этого дело не пошло. Буквы расплывались перед глазами, и Белла не могла прочитать ни строчки. В голове вертелась только одна мысль – жестокая судьба привела на ее порог другого мужчину, который желает продемонстрировать свою власть над ней.

Белла вернула документ герцогу.

– Эта бумага ничего для меня не значит.

– Где ваш муж, миссис Синклер?

Вопрос застал ее врасплох.

– Он недоступен.

– Значит, вы вдова и вам некуда идти?

Белла расправила плечи.

– А мне и не надо никуда идти. Это мой дом.

– Покажите ваше свидетельство.

Она подошла к столику розового дерева, открыла ящик и достала листок.

– Честно говоря, я не верила, что вы сегодня появитесь, но все равно приготовилась. – И она передала герцогу документ.

Он внимательно осмотрел его, потом подошел к окну – чтобы быть ближе к свету – и продолжил изучение.

– Что вы делаете?

– Проверяю, не подделка ли это.

– Подделка? Ошибаетесь. Мое свидетельство подлинное. Это ваше – подделка, – гордо заявила Белла.

– Сэр Редмонд Ривз не упоминал о вас, – задумчиво сказал Джеймс.

– Я вам не верю.

– Если ваше свидетельство подлинное – а я не намерен это признавать, – похоже, с нами обоими сыграли злую шутку. Вы купили собственность у сэра Ривза на три дня раньше, чем я, – сказал Блэквуд.

– Вы хотите сказать, что сэр Ривз продал Уиндмур-Мэнор дважды? – не в силах поверить услышанному, спросила Белла.

– Да.

– Но с какой стати?

– Возможно, он мошенник. Вор. И через некоторое время появятся и другие люди с аналогичными документами. Полагаю, он даже не рыцарь.

Другие?

От злости ее голос стал резким:

– Но вы сами только что сказали, что я купила Уиндмур на три дня раньше. Значит, я – законная владелица, а ваш документ недействителен.

– Только не в глазах закона.

– Что вы имеете в виду?

– Законный владелец тот, кто первым зарегистрировал свое свидетельство, – сказал Блэквуд. – Я зарегистрировал свидетельство в регистрационном бюро Хартфорда в день, когда совершил покупку. Там больше не было зарегистрировано ни одного документа, касающегося Уиндмура, – уверяю вас, я внимательно изучил книги. Помимо этого, я расспросил клерка. Он ничего не знал о другом владельце или обитателе поместья. Так что, как видите, законность моего свидетельства сомнению не подвергается.

У Беллы от предчувствия беды подкосились ноги. Она понятия не имела, что необходима еще и регистрация этого проклятого свидетельства. Она верила, что стала законной владелицей поместья, когда сэр Ривз поставил свою подпись на документе и передал его ей. Но этот человек – герцог – пытается отобрать у нее дом, оперируя техническими деталями дела, известными только специалистам. Это неправильно! Неэтично, в конце концов. Она не позволит себя запугать.

Она первой купила Уиндмур-Мэнор!

– Вы не находите, что это странно? – сказала она, в упор глядя на собеседника. – Человека, десять лет проработавшего барристером, одурачили так же легко, как меня.

Герцог передернулся, и Белла поняла, что стрела попала в цель.

– Есть несложный способ решить нашу проблему, – сказал он. – Мы должны найти Редмонда Ривза. Он сказал, что после продажи Уиндмура планирует уехать из Хартфордшира. Однако один из барристеров, с которым я работал, имеет связи с очень хорошими сыщиками. Я немедленно начну поиски Редмонда Ривза и позабочусь, чтобы он вернул вам деньги. Если его не удастся найти или он уже потратил деньги, я лично возмещу вам расходы.

– Но зачем вам это? – удивилась Белла.

– Этот дом для меня очень важен. Он принадлежал моему отцу, старому герцогу, который перед смертью продал его Ривзу. И я хочу вернуть его. Кстати, не думаю, что сыщикам будет трудно отыскать Ривза. Он не мог уехать далеко.

Белле не понравился ход мыслей собеседника.

– Полагаю, все обстоит не так. Сэр Ривз сбежал с вашими деньгами. Поэтому ищите его и требуйте их возврата.

Герцог покачал головой.

– Мне очень жаль, что я испугал вас вчера ночью. Я заметил, что в вашем распоряжении только одна служанка, и та – пожилая женщина. Я прикажу своим слугам, чтобы они помогли вам упаковать вещи. – Он с заметным высокомерием огляделся по сторонам, словно являлся оценщиком на распродаже имущества должника. – Думаю, это не займет больше недели. Я останусь в «Двух баранах» до тех пор, пока Ривз не будет найден, а ваши вещи – упакованы.

Белла не сводила с герцога горящих глаз, словно пыталась его испепелить. Он уже методично спланировал ее будущее и, вероятно, ни на секунду не усомнился в ее согласии.

«Совсем как Роджер. Неужели все мужчины самоуверенные эгоисты?»

Задышавшись от ярости, девушка пыталась собраться с мыслями. Она слишком много лет прожила в страхе, подчиняясь жестокому тирану, и теперь больше не желала быть жертвой. Ей хотелось жить своей жизнью, в тишине и покое, заниматься творчеством, и небольшое уединенное поместье прекрасно подходило для этого.

Всем своим видом выражая нежелание повиноваться, она указала в сторону камина, в котором не был разведен огонь.

– Вы можете перед уходом сжечь свою бумагу. Для меня она ничего не значит. Я купила Уиндмур-Мэнор первой. И въехала в него первой. Я законная владелица. Возможно, вы и унаследовали герцогский титул, но вы не джентльмен. Вы бандит, который угрозами пытается выгнать вдову из собственного дома. Полагаю, вам не составит труда найти выход, ваша светлость.

Однако новоявленный герцог Блэквуд даже не пошевелился, лишь зло прищурился.

Его голос, хотя и тихий, таил серьезную угрозу:

– Полагаю, вы ошибаетесь, миссис Синклер. Вам придется уехать. Я хотел повести себя как джентльмен и пожить в другом месте, пока вы будете укладывать вещи, чтобы не нанести вреда вашей репутации, но передумал. Пожалуй, я перееду сюда сегодня же.

– Вы безумны? Здесь живу я! Вы же герцог, и у вас наверняка достаточно поместий по всей стране, в которых вы можете при желании жить. – Белла сама почувствовала, что в ее голосе появилась истерическая нотка.

– Да. Но, повторяю, я намерен вернуть себе и этот дом тоже. Повторяю вопрос: вам есть куда уехать? Как насчет дома, в котором вы жили с мужем? Возможно, недвижимость имеется у родственников, ваших или мужа?

Сердце Беллы сжали ледяные пальцы ужаса. Мысль о возвращении в Плимут и жизни среди ненавидящих ее людей была невыносимой.

– Я никуда не уеду.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

– Тогда мы будем жить вместе, пока не удастся отыскать Ривза и вернуть ваши деньги, – сказал Джеймс. – Вы действительно хотите жить в одном доме с холостяком? Ваша репутация будет безвозвратно погублена.

О чем он говорит? Роджер уже давно и успешно уничтожил ее репутацию. А поскольку она не собиралась больше выходить замуж, ей было наплевать на жестокость и несправедливость общества. Поэтому она смело встретила его насмешливый взгляд.

– Как я уже сказала, вы герцог, но не джентльмен.

Джеймс сделал шаг к ней. Он был очень высоким, широкоплечим и... неотразимым мужчиной. Белла вздернула подбородок. Ее глаза полыхали негодованием. Он наклонился к ней – близко, очень близко, – протянул руку, взял двумя пальцами каштановый локон, упавший на ее щеку, и стал лениво поигрывать им.

Сердце в груди Беллы стучало сильно и гулко. Она чувствовала слабый аромат сандала, вероятно, часть его дорогого парфюма. Щеку согревало теплое мужское дыхание. Она хотела отбросить его руку, воспротивиться неожиданному прикосновению, однако внезапно почувствовала странную слабость.

Робко подняв глаза, она отшатнулась словно от удара, встретив полный насмешливого цинизма взгляд мужчины, который, казалось, забавлялся, наблюдая, как она старается сохранить самообладание. Этот негодяй точно знал, как действует на женщин его чувственное обаяние.

Злость помогла Белле прийти в себя.

– Вероятно, вы правы, – лениво сказал герцог. – Я не джентльмен. И у меня всегда была слабость к прекрасному полу. Грешен, не могу противиться женской привлекательности, пусть даже эта женщина – вдова с необычайно острым язычком. Поэтому я непременно нанесу визит в вашу спальню, раз уж мы будем жить под одной крышей.

Обычная злость сменилась бешеной яростью.

– Ублюдок! – воскликнула она, позабыв, что леди не подобает использовать подобные выражения. – Попробуй только приблизиться к моей спальне, и твоему черепу придется познакомиться с кочергой!

Развернувшись, она выбежала из комнаты, напоследок сильно хлопнув дверью.

Глава 4

Интересно, что в этой женщине лишает Джеймса его хваленого железного самоконтроля? Неужели он действительно обещал прийти к ней в спальню? Ему еще никогда не приходилось ни навязываться женщинам, ни применять к ним силу. В этом не было необходимости. Белла Синклер была права, назвав его ублюдком.

Впрочем, до недавнего времени он и сам считал себя таковым.

Джеймс тяжело вздохнул. Он все еще стоял в центре гостиной и смотрел на закрытую дверь. Белла Синклер – красивая женщина, и ее переливающиеся разными оттенками роскошные каштановые волосы были вполне под стать изменчивому настроению. Когда она вошла в гостиную, высоко подняв голову, расправив плечи, одетая в платье, подчеркивающее ее совершенные формы, у Джеймса кровь зашумела в ушах. Он вспомнил их первую встречу ночью, когда она предстала перед ним в одной ночной рубашке и с распущенными волосами, свободно упавшими на грудь и плечи. Сегодня ее великолепная грива, к сожалению, была убрана в тугий узел. Он даже ощутил покалывание в кончиках пальцев – так хотелось вытащить из этого чертова узла заколки и увидеть, какой цвет имеют ее волосы при ярком солнечном свете. Цвет ее платья подчеркивал магическую зелень глаз. Судя по всему, она тщательно продумала свой туалет.

Джеймс знал женщин, для него не были тайной все их приемы и уловки. Белла Синклер вошла в гостиную, имея очевидное намерение вывести его из равновесия.

Ей это удалось.

Ад и проклятие!

Он должен отвлечься от фривольных мыслей и подумать о ней как о противнике, стремящемся отобрать у него то, что ему принадлежит. В конце концов, она всего лишь женщина, ничем не отличающаяся от других, и Джеймсу еще не доводилось встречаться с представительницей прекрасного пола, которую он не сумел бы очаровать и соблазнить. Интересно, сколько ему потребуется времени, чтобы убедить ее покинуть Уиндмур-Мэнор?

Юридическое образование и длительная практика сделали Джеймса настоящим профессионалом, и в зале суда, если надо, он проявлял агрессивность в отношении своих противников. И не важно, что теперь он герцог и член палаты лордов.

Белла Синклер – вдова, и когда он поинтересовался ее предыдущим местом жительства, то не мог не заметить промелькнувший в ее глазах страх. Она довольно быстро справилась с собой, и, возможно, другой мог бы и не обратить внимания на довольно выразительные знаки – судорожный вздох, биение тонкой жилки на шее, стиснувшие ткань юбки пальцы. Другой, но не Джеймс.

Он отточил свою наблюдательность и инстинкты, общаясь с множеством людей – и жертвами, и преступниками. Имея богатый опыт ведения перекрестного допроса, он научился внимательно наблюдать за свидетелями и не только слушать их слова, но и подмечать физическую реакцию.

Он предложил Белле Синклер деньги из собственного кармана, если их не удастся взыскать с Редмонда Ривза, и счел ее категорический отказ обычной горячностью или упрямством. Но видимо, дело было в чем-то другом.

Итак, что скрывает прелестная вдова? Женатого любовника? Враждебные отношения с назойливой свекровью? Агрессивного кредитора?

Джеймсу никогда не нравилось ремесло сыщика, но сейчас он не мог придумать ничего более увлекательного, чем, снимая слой за слоем, узнать все секреты Беллы Синклер. В конце концов, он, с одной стороны, опытный барристер, а с другой – великолепный любовник. А совместив эти два умения, он может стать искусным манипулятором. Если уж деньги

не могут заставить ее покинуть Уиндмур, он вызнает все ее секреты. Что бы она ни скрывала, он это узнает и использует в своих интересах.

Обольщение должно быть систематическим, методичным и хорошо спланированным, а эмоции в это время следует держать в узде. Как на судебном процессе, когда присяжные ни за что не должны увидеть, что творится в его душе. Перед ними предстает спокойный уверенный барристер, контролирующий и свои эмоции, и происходящее в зале суда. При этом не важно, насколько неэтична тактика оппонентов или как удивительно заявление очередного свидетеля.

Приняв решение, Джеймс выбрал стул у камина и сел. Он внимательно осмотрел комнату, и вскоре к нему вернулись воспоминания детства. С тех пор как он был здесь много лет назад, обстановка существенно изменилась. Больше не было мебели в греческом стиле и уилтонского ковра. Сменили обои – теперь на них были китайские мотивы, – а на полу лежал толстый восточный ковер, и все же комната оставалась до боли знакомой – даже сердце защемило.

Несмотря на то что он унаследовал много всевозможной недвижимости по всей стране и великолепный особняк в Лондоне, этот маленький домик был неким внутренним якорем, местом, куда он мог удалиться и почувствовать, что он действительно заслуживает свалившихся на него благ. Истина заключалась в том, что он чувствовал себя самозванцем, лишившим наследства своего единокровного брата Грегори.

И только здесь он был сыном старого герцога.

Раз в год, вплоть до поступления Джеймса в Итон, старый герцог присылал экипаж в пансион, где жил Джеймс, чтобы привезти мальчика в Уиндмур-Мэнор. Здесь отец и сын охотились, рыбачили, плавали в озере. Не было ни бабушки, ни Грегори – только Джеймс и герцог. Прислуга была к нему добра, и слово «ублюдок» никогда не звучало в этом доме. Через неделю тот же экипаж отвозил его обратно.

Но почему тогда старый герцог не признал его своим сыном публично? По словам бабушки, отец признался в том, что Джеймс – законный сын, на смертном одре. Почему же он не заявил об этом раньше? Ведь Джеймс всю юность подвергался остракизму своей семьи и проводил Рождество в семьях друзей.

Джеймсу никогда не была свойственна жалость к самому себе, и тягу к семейному очагу он преодолел еще в детстве. Он обратил всю свою энергию на достижение успеха, исполненный решимости никогда больше не зависеть от подачек аристократической бабушки. Она, так же как отец, не желала иметь с ним дело на людях, поэтому Джеймс решил создать свое будущее собственными руками и стать барристером. Три других барристера, с которыми он делил комнату во время учебы, были для него больше братьями, чем Грегори.

Теперь старый герцог был мертв, и хотя Джеймса потрясло заявление бабушки, он все же согласился принять наследство, которое, как он всегда считал, принадлежало Грегори. После смерти отца прошло две недели. Две недели назад вдовствующая герцогиня явилась в Олд-Бейли, чтобы побеседовать с ним. А с Грегори он вообще еще не разговаривал. Сразу после похорон Грегори покинул Лондон, отправившись навестить тетю по материнской линии и поделиться с ней новостью об утраченном герцогстве. Джеймс не стал его задерживать. Все равно они рано или поздно вернутся в Лондон и встретятся.

Джеймс оставил бабушку в городском доме и отбыл на поиски Редмонда Ривза, чтобы решить вопрос с Уиндмур-Мэнором. Он собирался быстро купить поместье и в течение недели вернуться в Лондон. Но он не учел встречу с Беллой Синклер.

Его губы скривились в усмешке. Дело было даже не в том, что эта леди что-то скрывала. Прошло уже очень много времени с тех пор, как Джеймсу бросала вызов женщина, но у деревенской вдовы, каковой являлась Белла Синклер, против него не было ни одного шанса. По его прикидкам, она исчезнет из его дома и из его жизни максимум через неделю.

Белла мерила шагами спальню и дрожащей рукой пыталась заправить выбившийся из строгой прически локон. Ей трудно было не думать о том, что несколько мгновений назад к ее волосам прикасался герцог Блэквуд.

– Слава Богу, ты выбрала эту комнату, детка, а то вы бы еще схлестнулись из-за хозяйских апартаментов, – сказала Харриет, убирая вещи Беллы в шкаф.

– Ему повезло, что я выбрала эту комнату, – пробормотала Белла. Обходя дом, она с первого взгляда влюбилась в обои с очень красивыми вьющимися розами и кровать под высоким балдахином. Расположенная напротив апартаментов хозяина комната находилась в задней части дома, и из ее окна открывался изумительный вид на сады, освещенные восходящим солнцем.

– Согласна. Зная твоё упрямство, подозреваю, что, если бы ты выбрала хозяйские апартаменты, вам пришлось бы спать там вместе.

Белла резко остановилась и повернулась к Харриет.

– О чем ты говоришь! Я бы ни за что не согласилась сидеть с этим человеком за одним столом, а уж тем более – делить с ним комнату.

– Он красив, – негромко заметила Харриет.

– Если помнишь, Роджер тоже был недурен.

Старая женщина обиженно нахмурилась.

– Не понимаю, почему ты решила, что все мужчины без исключения похожи по характеру и наклонностям на твоего покойного супруга. Что же касается внешности, Роджер был на двадцать лет старше тебя и имел светлые волосы. Герцог на него нисколько не похож, и ему, наверное, лишь немного за тридцать.

– Внешность не самое главное. У него такое же черное сердце. – По убеждению Беллы, волнистые темные волосы, глубокие синие глаза и классический профиль являлись атрибутами высокомерия и упрямства.

«Ты лжешь», – сообщил ее внутренний голос. Одно лишь прикосновение пальцев герцога к ее волосам заставило ее сердце взволнованно забиться. А когда щеки коснулось его дыхание, по телу побежали мурашки. Он опасный человек, использующий себе на пользу любое оружие, в том числе свою привлекательность.

– Почему ты думаешь, что у него черное сердце? – спросила Харриет.

– Он же едва не приказал мне убираться прочь! А когда я отказалась повиноваться, он заявил, что будет жить здесь. Он также утверждает, что является законным владельцем Уиндмура, потому что первым зарегистрировал свое свидетельство на право собственности, хотя я его купила первой и первой въехала.

– Возможно, тебе следует воспользоваться услугами барристера, но я сомневаюсь, что он здесь есть. Наверное, придется поехать в Лондон, – задумчиво проговорила Харриет.

Белла прикусила губу.

– Я знаю, но ведь дело нельзя доводить до суда. Начнутся расспросы, в суде могут поинтересоваться обстоятельствами смерти Роджера, его неблагоприятными делами. А вдруг Блэквуд поедет в Плимут и будет расспрашивать обо мне?

Харриет подошла ближе и погладила девушку по плечу.

– Не беспокойся, Белла. Тебе необходимо только подтверждение правоты Блэквуда. Кстати, ведь он герцог, а значит, у него много дел в Лондоне. Он наверняка не задержится здесь надолго.

– Он был барристером в Лондоне, – добавила Белла. – Думаю, деревенская жизнь ему быстро наскучит. А мы с тобой всю жизнь прожили в деревне. Плимут был портовым городом, но до шумного Лондона ему все же далеко.

Харриет нахмурилась.

– Если он считает деревенскую жизнь скучной, зачем он купил это поместье?

– Он утверждает, что с этим местом у него связаны воспоминания детства, поскольку оно принадлежало его покойному отцу. Но я уверена, что все это пустые слова. Сколько времени ему понадобится, чтобы заскучать? Как скоро его потянет к суете и проблемам Лондона?

Харриет окинула свою подопечную задумчивым взглядом.

– Он еще не знает, с какой проблемой столкнулся здесь.

Глава 5

Белла решила, что будет вести себя так, словно герцога здесь нет и никогда не было. Днем она планировала побеседовать с будущими слугами – кухаркой, горничной, главным садовником и управляющим. А Харриет будет домоправительницей. Поскольку у Беллы не было планов принимать гостей, она решила пока не нанимать дворецкого.

Она расправила плечи, вышла из комнаты и гордо прошествовала вниз по лестнице. Блэквуда нигде не было видно – только приехал еще один экипаж, из которого слуги выгружали вещи.

Как выяснилось, герцог прибыл в дом с четырьмя слугами, которые вежливо представились, но совсем не так, как если бы она была хозяйкой дома. Белла узнала, что Коутс – камердинер Блэквуда, и он, вероятно, считался главным, поскольку отдавал приказы кучеру и двум лакеям, которые носили сундуки в апартаменты герцога. Тут же вертелся молоденький парнишка с огненно-рыжими волосами и улыбочивой веснушчатой физиономией, который работал в конюшне – ухаживал за лошадьми герцога.

Багажа было много. Мужчины с сундуками сновали вниз-вверх по лестнице, словно трудолюбивые муравьи.

Коутс поклонился.

– Простите за вторжение, миссис Синклер, мы скоро закончим. Большинство багажа предназначено для комнат хозяина.

Белла вымученно улыбнулась, втайне подозревая, что ее улыбка больше похожа на гримасу.

– Уверена, что его светлость найдет свои комнаты пригодными для временного проживания.

– Не сомневаюсь, миссис Синклер, – ответил Коутс. Если он и услышал сарказм в ее голосе, то виду не показал.

Внимание Беллы привлек стук дверного молотка. Входная дверь оставалась открытой, поскольку слуги герцога еще не закончили работу. На пороге стоял дородный человек средних лет с мясистыми щеками и широко раскрытыми глазами смотрел по сторонам.

– Добрый день, меня зовут Гиббс, Зигмунд Гиббс. Я ищу место управляющего.

– Спасибо, что пришли, мистер Гиббс, – сказала Белла. – Я миссис Синклер, хозяйка поместья. Мне нужен управляющий.

Проигнорировав любопытный взгляд Коутса, она пригласила Гиббса в гостиную, для чего ему пришлось перелезть через большой сундук, некстати оказавшийся в дверном проеме. Жестом предложив мужчине сесть, она расположилась напротив и вопросительно взглянула на него.

– Скажите, у вас есть опыт работы управляющим, мистер Гиббс?

Мужчина кивнул, и колыхнувшиеся складки кожи, нависшие над туго завязанным галстуком, напомнили Белле морщинистую шкуру слона.

– Есть... небольшой... но не в таком крупном поместье, как Уиндмур.

Белла нахмурилась. Уиндмур-Мэнор – маленькое поместье, во всяком случае, по сравнению с другими. Сто акров окружающих его земель были красивыми и ухоженными, но существовали поместья, раскинувшиеся на несколько тысяч акров, с большим количеством арендаторов. Величина Уиндмура была одним из факторов, привлекших Беллу. Поместье небольшое, так что им можно легко управлять, а арендной платы будет достаточно для его содержания.

– Расскажите мне конкретно, какой вы имеете опыт.

– Ну, я...

Дверь распахнулась, и в гостиную вошел Блэквуд. Его ухоженная внешность воплощала одновременно мужественность и властность. А энергия, казалось, была из него ключом.

– Мне сказали, что вы беседуете с кандидатом на пост управляющего?

Белла улыбнулась. Получилось фальшиво.

– Совершенно верно. В Уиндмур-Мэноре необходим управляющий, если, конечно, вы сами не претендуете на эту должность, ваша светлость.

Герцог расхохотался, и задорные огоньки в его пронзительных синих глазах разозлили Беллу еще сильнее.

– Я бы с удовольствием, дорогая, но в Уиндмур-Мэноре уже есть управляющий.

У Зигмунда Гиббса от удивления раскрылся рот, и он резво вскочил.

– Милорд... я хотел сказать, ваша светлость. Я не хотел проявить неуважение...

– Сядьте, мистер Гиббс, – скомандовала Белла. – Его светлость ошибается. Никакого управляющего здесь нет.

– Определенно есть, миссис Синклер, – с подчеркнутой медлительностью проговорил Блэквуд. – Гидеон Джейкобсон работает здесь управляющим уже двадцать шесть лет.

Белла скрипнула зубами.

– Могу я переговорить с вами наедине, ваша светлость?

– Конечно. – Он обернулся к Гиббсу. – Спасибо, что пришли, мистер Гиббс. Мы дадим вам знать, если у нас появится место для вас.

Зигмунд Гиббс поклонился Блэквуду и бросился вон из комнаты. При этом он остушился и едва не рухнул на мраморный пол.

Как он смеет! Белла кипела от ярости.

– Я имела в виду, что мы могли бы поговорить в другой комнате.

Герцог сел на подлокотник дивана, скрестив перед собой обутые в сапоги ноги.

– Полагаю, мы неверно начали. Пожалуйста, называйте меня Джеймс. Титул – это слишком утомительно.

Белла покосилась на герцога хмуро и с подозрением.

– Это непристойно.

Джеймс изогнул бровь, даже не потрудившись скрыть насмешку.

– А жить вместе пристойно? Вы полны противоречий, Белла.

– Миссис Синклер.

– Это тоже утомительно. К тому же Белла такое красивое имя. И очень вам подходит.

Герцог одарил ее улыбкой, от которой у нее снова чаще забилося сердце. Он все же непозволительно... неприлично красив, а в сочетании с лстивыми речами... Короче, этот человек может быть неотразимым, если захочет. Она представила, как его толпами атакуют лондонские кокетки, и ощутила неловкость, которую попыталась скрыть.

Что за игру он затеял?

Она прищурилась.

– Вы пытаетесь отвлечь меня от дела?

– У меня получается?

– Нет. Как хозяйка дома, я отвечаю за прием на работу слуг.

– Это спорное утверждение, – сказал герцог и тут же поднял руку, чтобы предотвратить возражения. – Пока что я всего лишь прошу вас выслушать меня. Должность управляющего чрезвычайно важна. И мне с трудом верится, что вы сумеете найти человека, имеющего такой же опыт. Гидеон Джейкобсон любит это место и прекрасно выполнял свои обязанности до того, как Редмонд Ривз его несправедливо уволил. Как я уже сказал, он живет здесь двадцать шесть лет. Вы можете сказать то же самое о мистере Гиббсе?

Нет, конечно. Насколько она поняла, у этого человека опыта не было вообще.

Она скрестила руки на груди.

– Вы привезли уже четырех своих людей. А у меня есть только Харриет. Я отказываюсь использовать слуг, целиком находящихся под вашим влиянием.

Герцог беззаботно отмахнулся.

– Не возражаю. Насколько я понял, вы запланировали на сегодня беседы с несколькими претендентами. Оставляю их на ваше усмотрение.

Белла не могла не удивиться его сговорчивости.

– Спасибо, ваша милость.

– Джеймс. Вы не забыли? – Он собрался уйти, но в дверях остановился и оглянулся. – Кстати, вы не поужинаете со мной сегодня вечером?

Он действительно старается очаровать ее. Не выйдет, дорогой.

– В доме нет кухарки.

– Так наймите.

У Джеймса не было времени подумать, примет Белла его приглашение или нет. Стоило ему выйти за порог гостиной, как его перехватил Коутс и сообщил, что прибыли его друзья барристеры и ожидают в библиотеке.

Шагая по холлу, Джеймс слышал их веселые голоса. Он пригласил друзей приехать в Уиндмур-Мэнор еще до отъезда в Хартфордшир. Тогда он ошибочно предполагал, что приобретение небольшого поместья пройдет гладко, и потому с нетерпением ожидал возможности провести время с друзьями вдали от дел и городской суеты. Он не ожидал, что ему придется потратить несколько дней на отлавливание продавца по всему Хартфордширу. Впрочем, последующих событий он тоже не мог предвидеть.

Джеймс открыл дверь в библиотеку, и два его старых друга и коллеги, Энтони Стивенс и Брент Стоун, встали, чтобы поприветствовать его.

– Привет, Девлин, – улыбнулся Энтони. – Или теперь мы должны называть тебя «ваша светлость»?

Джеймс молча закатил глаза. Друзья всегда обращались к нему по фамилии – Девлин, – и он не желал ничего менять.

– Даже не шутите так. Плохо уже то, что я был вынужден оставить работу. – Джеймс не кривил душой. Он никак не мог выполнять обязанности, связанные с унаследованным герцогским титулом, заседать в палате лордов и продолжать работу барристера. – А где Джек?

Джек Хардинг четвертый и самый успешный из друзей-барристеров, единственный из всех был женат. Пять лет назад он потерял голову от любви и женился на красавице Эвелин Дарлингтон, дочери их наставника.

– Джек остался с Эви. У него вот-вот начнется процесс, и они планируют приехать, как только он освободится.

– Они впервые оставят маленького Филиппа, чтобы отправиться в путешествие вдвоем. Подозреваю, это маленькое проказливое чудовище не даст скучать своей новой няне, – сказал Брент.

Джеймс засмеялся.

– Тогда давайте выпьем за ваш приезд. – Он подошел к буфету, налил три стакана виски и раздал друзьям. – Я рад, что вы здесь. Мне нужен совет.

Энтони и Брент опустили стаканы.

– Что случилось? – хором спросили они.

Джеймс сделал большой глоток, прежде чем ответить:

– Я приехал сюда и обнаружил, что дом занят. Некая вдова с острым языком утверждает, что приобрела это поместье на три дня раньше, чем я, у того же хозяина – сэра Редмонда Ривза.

– Ты видел ее свидетельство? – спросил Энтони.

Джеймс кивнул:

– Да, и насколько я могу судить, оно не поддельное.

– Мне это не нравится, – сказал Брент. – Будучи барристером, я, конечно, слышал о подобных случаях. Воры и мошенники всякого рода совершенно обнаглели. Некоторые умудряются продать свою собственность нескольким покупателями за очень короткий промежуток времени и скрыться раньше, чем люди успевают опомниться и призвать их к ответу.

– Я тоже подумал об этом, – сухо проговорил Джеймс.

– Ты зарегистрировал свое свидетельство? – спросил Энтони.

– Да. Она – нет.

Энтони пожал плечами:

– Тогда с точки зрения закона поместье твое.

– Подожди, – вмешался Брент. – Ты говоришь, она приобрела его раньше?

– Да, на три дня.

– И она первой его заняла? – спросил Брент.

– Да.

– Тогда все не так однозначно. Ты же помнишь старое изречение: владеешь – значит, имеешь. Будь я ее барристером, я бы представил ее присяжным милой одинокой вдовой и, полагаю, смог бы добиться решения в ее пользу. Здесь все зависит от мнения судьи и жюри. Иными словами, есть вероятность, хотя и не слишком большая, что в суде ты проиграешь, – заключил Брент.

Энтони сердито нахмурился.

– Ты на стороне дамы?

– Я всего лишь высказываю свое мнение, как служитель закона, – спокойно ответил Брент. – А вы оба склонны относиться к женщинам предвзято.

– Что знаешь о женщинах ты, закоренелый холостяк? – усмехнулся Энтони.

Брент раздраженно сжал губы.

– Работа сделала из тебя циника, Энтони. Настанет день, когда женщина одержит над тобой верх.

– Пошел к черту! – рыкнул Энтони.

Джеймс тяжело вздохнул. Брент и Энтони были давними и добрыми друзьями, но это не мешало им при любом удобном случае изводить друг друга.

– Вы бранитесь, как две старые сороки. Может быть, хотя бы в день приезда обойдетесь без потасовки? – Джеймс снова наполнил стаканы и с улыбкой посмотрел на друзей.

Энтони был высоким, мускулистым, широкоплечим мужчиной. Все свободное время он проводил у Джентльмена Джексона. Он был опытным боксером, причем массивная фигура не мешала ему проявлять чудеса ловкости на ринге, и Джеймсу неоднократно доводилось видеть, как Энтони одерживает победы над закаленными бойцами уже в первом раунде.

Что же касается утверждения Брента о том, что Энтони становится циничным и не вполне объективным, когда дело касается женщин, это было чистой правдой. Энтони специализировался на семейном праве, и ему нередко удавалось добиться того, за что другие барристеры даже не брались, – чрезвычайно желательного развода. Поскольку для этого требовался соответствующий парламентский акт, развод был почти невозможен, хотя семейные ссоры были обычным явлением в высшем обществе.

Но Энтони сумел получить развод для трех очень богатых и титулованных джентльменов, доказав измену их жен. Он приобрел известность после первого же дела, стал одним из самых богатых барристеров города, но у его успеха была и оборотная сторона. Он стал резким, циничным и даже слышать не хотел об истинных чувствах и любви.

Брент Стоун был сделан из другого теста. Его рыжеватые волосы и голубые глаза всегда привлекали женщин. Но Брент не проявлял к ним интереса. В работе он специализировался на получении патентных грамот для богатых и нередко эксцентричных изобретателей. Брент редко бывал в суде и проводил долгие часы в конторе, составляя патентные заявки. Джеймсу это занятие казалось невыносимо скучным, но Бренту нравилось.

Джеймс никогда не видел Брента с женщиной. Тот всегда утверждал, что любит прекрасный пол, однако, насколько Джеймсу было известно, у Брента никогда не было подруги или любовницы. Временами из-за разного подхода к женщинам их отношения становились напряженными – у Джеймса всегда было много романов без каких-либо обязательств, а Брент заявлял, что ждет свою единственную.

Мысли Джеймса вернулись к собственным проблемам, и он стал размышлять об аргументах Брента в пользу Беллы Синклер.

Белла могла обратиться в суд. Любой уважающий себя барристер понимает, что итог рассмотрения дела присяжными предсказать невозможно. Уиндмур-Мэнор находится в юрисдикции Хартфордшира, и поэтому любой процесс пройдет здесь, далеко от Олд-Бейли и Лондона, где Джеймс много лет практиковал. Там он знал всех судей Олд-Бейли, их предпочтения и антипатии, но в Хартфордшире был чужаком, и сострадательный судья или жюри присяжных вполне могут решить дело в пользу вдовы.

– Ты говоришь, у дамы острый язык, а как насчет внешних данных? Старая карга? – спросил Энтони.

– Нет, – вздохнул Джеймс. – Молодая женщина и настоящая красавица.

Повисло неловкое молчание.

– У тебя же никогда в прошлом не было проблем с женщинами, – наконец сказал Энтони.

– Не слушай его! – возмутился Брент. – Ты только разозлишь женщину, если используешь свою обычную тактику.

В голосе Энтони зазвучало нетерпение:

– Тогда используй свое недавно обретенное влияние. Теперь ты герцог. Какой судья или присяжные в этой Богом забытой дыре посмеют выступить против всемогущего герцога? В конце концов, если надо, можно подкупить судью. Не думаю, что это будет трудно. Несколько выездов на охоту, и все будет в порядке.

– Значит, вот как ты практикуешь?! – возмутился Брент. – Не всех можно подкупить или принудить. – Брент покосился на Джеймса. – Ты можешь просто возместить ей стоимость поместья.

– Я уже предлагал ей возмещение ущерба, в случае если Редмонд Ривз окажется неплатежеспособным. Она отказалась, – сказал Джеймс.

– Тогда должен быть другой выход. – Брент задумался.

– Есть кое-что еще. Я подозреваю, что миссис Синклер что-то скрывает, какую-то тайну, связанную с ее прошлым, – проговорил Джеймс.

– Ну так попробуй ее разгадать! – воскликнул Энтони.

– Так я и намерен поступить. Ты еще поддерживаешь связь с сыщиком, которого Джек когда-то использовал, чтобы помочь Эвелин?

Лицо Энтони просветлело.

– Конечно. Это весьма ловкий армянин по имени Армен Папазян. Он еще ни разу меня не подвел.

Джеймс знал, что Энтони нанимал сыщика, чтобы выявить тайные связи жен своих клиентов. В зале суда Энтони мог быть жестким и беспощадным и не испытывал никаких сомнений, вызывая свидетелями любовников, чтобы подтвердить неверность жены своего клиента.

– Я хочу, чтобы он занялся не только женщиной. Необходимо, чтобы он выследил Редмонда Ривза. Как быстро твой сыщик сможет приехать сюда?

– Я пошлю за ним немедленно, – сказал Энтони. – Уверяю, если в прошлом твоей вдовы есть что-то достойное внимание, он это раскопает.

Глава 6

– Надеюсь, вам понравится в Уиндмур-Мэноре. – Белла обращалась к новым слугам, которых только что наняла, – горничной, садовнику и кухарке. Они стояли перед ней в ряд и смотрели на хозяйку преданными глазами. – Мне хочется поскорее попробовать ваш тушеный окорок и выпечку, – сказала Белла кухарке – низенькой пухлой женщине средних лет.

Миссис О'Брайен сделала реверанс.

– Спасибо, миссис Синклер, я буду стараться.

Оставив слуг устраиваться на новом месте, Белла с облегчением вздохнула. Найти опытную кухарку оказалось совсем не просто. Белла узнала, что Редмонд Ривз отличался чрезвычайной привередливостью и за то недолгое время, что он был хозяином поместья, в доме сменилось три кухарки.

И все же Белла с радостью занималась домашними делами. Пока она была замужем, ей не позволялось нанимать слуг. Роджер безраздельно властвовал в доме, и слуги были преданы только ему. О любой оплошности молодой своевольной жены немедленно докладывали мужу, и следовало наказание. Белла очень быстро научилась быть осмотрительной.

Выйдя из кухни, она решила немного прогуляться – подышать свежим воздухом. Была вторая половина дня, ее любимое время для работы. Она подумала о почти законченном обзоре социальных реформ и фабричного законодательства и улыбнулась. Вот как ей хотелось бы жить – свободно писать свои статьи в надежде, что их когда-нибудь напечатают.

Остановившись, чтобы достать карандаш и блокнот, она мысленно поблагодарила Бога за то, что нигде не было видно ни герцога, ни его людей. И лишь спустившись в холл, она услышала громкий мужской смех и замерла.

Один голос, доносившийся из-за закрытой двери библиотеки, явно принадлежал Блэквуду, остальные были незнакомыми. Пусть делает что хочет, подумала она, но непреодолимое любопытство все же заставило ее подойти к библиотеке. В конце концов, Уиндмур-Мэнор – ее дом.

Почему она не может узнать, кто в нем находится?

Но прежде чем Белла успела постучать, дверь распахнулась и в холл вышел Блэквуд. За ним шли двое хорошо одетых мужчин.

При виде ее глаза герцога вспыхнули интересом.

– Миссис Синклер, а мы как раз о вас говорили.

Белла застыла. Ей не понравилось, что герцог и незнакомые мужчины говорили о ней.

– Позвольте представить моих хороших друзей и коллег по адвокатской практике мистера Энтони Стивенса и мистера Брента Стоуна, – сказал Блэквуд.

Светловолосый мужчина первым вышел вперед и поклонился.

– Я мистер Стоун и счастлив познакомиться с вами.

Взглянув на его безупречно красивое лицо, на котором сияли кристально чистые голубые глаза, Белла лишилась дара речи. Черты лица Брента Стоуна, идеально симметричные, совершенные, были как у живой модели для одной из мраморных статуй Микеланджело.

Блэквуд громко кашлянул, явно стараясь привлечь ее внимание. Он прищурился и сжал губы. Белла слегка удивилась, не понимая, что вызвало его недовольство.

Заговорил самый высокий из троих:

– Герцог рассказал нам о вас, миссис Синклер, но я, честно говоря, до этого момента ему не слишком верил.

Белла подняла глаза на Энтони и невольно содрогнулась. Это был очень крупный мужчина с резкими чертами и коротко стриженными волосами. Но ее испугали не его габариты,

а тяжелый взгляд черных глаз. В нем таилась угроза. Женщина подавила желание перекреститься.

Она подумала, есть ли у Энтони жена или любовница, и, если есть, смотрит ли на них этот человек так же, как смотрел на нее Роджер, когда издевался над ней. Но, опомнившись, она постаралась избавиться от неприятных мыслей. При посторонних Роджер был воплощением очарования и доброты, а Энтони похож на скорпиона, изготовившегося нанести удар.

«Он запугивает меня, хочет, чтобы я съежилась, отступила под его взглядом. Зря стараюсь. Больше меня не запугает ни один мужчина».

Белла кокетливо склонила голову и улыбнулась:

– Не хочется даже думать, что вам обо мне рассказал его светлость. Похоже, мне придется воспользоваться услугами барристера. Вы не порекомендуете мне подходящего человека, мистер Стивенс?

Последовало неловкое молчание. Затем Энтони Стивенс коротко хохотнул.

– Клянусь Богом, ей не откажешь в присутствии духа. Думаю, нам пора идти, пока один из нас не предложил ей свои профессиональные услуги.

Мужчины пошли к двери. Откуда-то возник Коутс и подал им пальто и шляпы.

– Мы будем в «Двух баранах», если понадобится, Джеймс, – сказал Brent Стоун.

Блэквуд улыбнулся:

– Я бы с радостью предложил вам остановиться здесь...

– Это неприлично, – проговорил Brent.

– Да, полагаю, миссис Синклер считает себя вынужденной делить кров с одним холостяком, – сухо сказал Блэквуд, – но три холостяка – это слишком даже для нее.

– Нет никакой необходимости быть грубым, – поспешно вставил Brent и вежливо поклонился. – Я очень рад познакомиться с вами, миссис Синклер. Мы ожидаем приезда еще одного нашего коллеги с женой. Они прибудут через пару дней. Уверен, вы с ней подружитесь.

Белла приветливо улыбнулась красивому барристеру и неожиданно для самой себя сказала:

– С нетерпением жду встречи с ней.

Гости ушли, и Белла осталась наедине с Блэквудом.

– Признаться, я удивлен, – сказал он, закрыв дверь и снова повернувшись к ней. – Вы их очаровали.

– А по-вашему, я не могу произвести впечатление на мужчину?

– Не в этом дело. Энтони Стивенс обычно не считает женщин умными. А женщины, в свою очередь, чаще всего считают его... как бы это сказать... пугающим.

Белла окинула герцога насмешливым взглядом.

– Меня он не испугал.

– Ну а Brent Стоун вполне может стать вашим новым защитником.

– Весьма приятный джентльмен.

Взгляд герцога мог заморозить.

– Вы находите мистера Стоуна привлекательным?

– С чего вы взяли? – удивилась Белла.

Он пожал плечами:

– Мне так показалось. Кстати, куда вы направляетесь?

– На прогулку.

– Прекрасно. Мне необходимо обсудить с вами несколько вопросов. Не возражаете, если я к вам присоединюсь?

Белла заколебалась. Ей не хотелось проводить с ним времени больше, чем это было необходимо, но, с другой стороны, если они урегулируют все проблемы, им вообще не при-

дется разговаривать. Поэтому она положила карандаш и блокнот на столик, рядом с вазой со свежими цветами, и сказала:

– Это было бы замечательно.

Герцог открыл дверь.

– Не хотите ли надеть плащ?

– В этом нет необходимости. Погода прекрасная.

Джеймс ухмыльнулся, распахнул дверь и отошел в сторону.

Сердце Беллы пропустило один удар. Улыбка смягчила суровые черты его лица, и женщина с удивлением обнаружила, что украдкой посматривает на своего спутника из-под опущенных ресниц.

Они спустились по ступенькам и медленно пошли мимо фонтана. Выложенная плиткой дорожка вела в сад с живыми изгородями из самшита, зарослями азалий и кустами роз. Уже наступила весна, и небо сверкало голубизной; по нему плыло лишь два или три белых облачка. Белла посмотрела вверх, и теплое вечернее солнце приятно согрело лицо. Высоко в небе парил ястреб, высматривая добычу. Как она завидовала его благословенной свободе!

– Расскажите, как вы впервые попали в Уиндмур-Мэнор.

– Нечего рассказывать, ваша светлость. Мы проезжали через Сент-Олбанс и заметили это место. Очень уж здесь красиво. Тогда мы остановились в «Двух баранах» и я навела справки. Оказалось, что поместье продается.

– Должны ли мы обращаться друг к другу так официально? Прошу вас, называйте меня Джеймс. Тем более что мы живем под одной крышей. Да и к титулу я не привык.

Он хотел, чтобы его называли по имени, но это было ужасно непристойно, даже несмотря на то что они волею судьбы делят кров. Кроме того, Белле не хотелось даже мысленно называть герцога Джеймсом. Так она, чего доброго, начнет думать о нем как о человеке, а не как об аристократе, который желает выжить ее из дому.

– Я считаю, что мы вполне можем себе это позволить. Когда мы одни, разумеется.

Теперь у нее вряд ли была возможность отказаться, не показавшись грубой.

– Ну хорошо, но только в отсутствие посторонних.

Они прошли сад и оказались на открытом, заросшем высокой травой поле. То здесь, то там виднелись кустики ярких полевых цветов. Воздух был наполнен их сладким ароматом. Подчинившись неожиданному импульсу, Белла остановилась и нарвала маленький букетик нежных цветов.

Они продолжали идти вперед и вскоре вышли на аллею, по обе стороны которой росли высокие деревья. Их раскидистые кроны сплетались, образуя узорчатый свод. Был теплый летний вечер, и листва создавала желанную тень. Блэквуд точно знал, куда идет, и через некоторое время стал слышен шум воды, иногда заглушавший веселый щебет пичуг.

Выйдя на открытое место, Белла обнаружила, что перед ней вовсе не ручеек, а настоящая река с небольшим водопадом. Она восторженно ахнула, заметив пару лебедей, величаво проплывших мимо. За рекой, насколько хватало глаз, тянулись зеленые холмы.

Решив купить поместье у сэра Ривза, она предполагала, что будет периодически наезжать в ближайший городок – Сент-Олбанс. До замужества ей нравилось гулять по улицам Плимута, наблюдая за людьми. Она записывала свои впечатления об их манерах и речи и потом использовала эти заметки в своих работах.

Отец поддерживал ее замыслы. Он любил читать, в первую очередь книги политические и исторические, и, сколько Белла себя помнила, родительский дом всегда был полон газетных вырезок, где затрагивались социальные темы. Ей были интересны вопросы борьбы нищего люда и рабочих за свои права. Белла изучила законы о детском труде, проанализировала рост преступлений, совершаемых крайне нуждающимися и часто ранеными солдатами, вернувшимися с Ватерлоо, и сама начала писать статьи.

Однажды к отцу явился Роджер Синклер и заявил о своем интересе к Белле. Его уважали в обществе, и он показался юной девушке очень сдержанным и разумным человеком, а когда она упомянула о своем желании писать для лондонских газет, Роджер ее с энтузиазмом поддержал. Потом она узнала, что он в совершенстве владеет искусством обмана.

Вскоре после свадьбы Роджер заметил, что Белла собирается отправить пухлый конверт в «Лондон газетт». Он выхватил бумаги у нее из рук и разорвал на мелкие клочки.

– Моя жена не будет заниматься таким непристойным делом. Сочинительство и политика – удел мужчин.

А когда Белла заспорила с ним, мерзавец немедленно перешел к угрозам:

– Харриет совсем одряхлела. Она уже не может делать всю необходимую работу. Пожалуй, уволью ее без рекомендаций.

Роджер отлично знал, что в таком возрасте Харриет не найдет нового места и будет голодать, а Белла сделает все от нее зависящее, чтобы защитить старую няню. Так Роджер уничтожил надежды жены стать писательницей. Он был искусным лжецом, и его трогательные рассказы о «хрупком душевном здоровье» супруги со временем сделали свое дело. Даже на тех немногих светских мероприятиях, где ей было дозволено появляться, люди смотрели на нее с опаской и старались держаться подальше. Некоторые соседи даже восхищались Роджером, не отправившим свою безумную жену в сумасшедший дом.

Теперь она стала вдовой и владелицей Уиндмур-Мэнора. Она имеет возможность писать политические статьи и даже короткие любовные романы и под псевдонимом отправлять их каким захочет издателям – по своему выбору. Жители Хартфордшира ничего не знают о ее прошлом – это было огромным плюсом Уиндмура, – и она вольна делать что угодно: посещать поэтические вечера, книжные клубы или вступить в церковный хор. Не исключено, что она станет ходить к соседям на чай и не пропустит ни одной деревенской ярмарки.

После кошмарных семи лет брака с жестоким тираном она проживет здесь в мире и покое остаток своих дней. Судьба наконец смиростивилась над ней. Во всяком случае, Белле очень хотелось в это верить.

Она посмотрела на идущего рядом мужчину – живое воплощение властности и мужественности.

Джеймс снял сюртук и бросил на траву.

– Присядем.

Подобрав юбки, она села и положила на колени букетик полевых цветов. Он расположился рядом, вытянув длинные ноги.

– Я уже говорил вам, почему хочу иметь Уиндмур-Мэнор. Но вы ничего не сказали, зачем вам нужно именно это поместье. Почему вы настаиваете на своем?

– Потому что поместье мое, – сказала Белла.

Герцог нахмурился.

– Неужели вы не понимаете, что чем дольше вы остаетесь здесь со мной, тем больше страдает ваша репутация?

– Я вдова, – напомнила она.

– Не важно. Мы не можем всегда жить вместе.

Джеймс поднял круглый плоский камушек и стал вертеть в пальцах. Потом одним резким движением бросил его в воду. Камень весело запрыгал по поверхности, но в конце концов с тихим всплеском ушел под воду.

– Вы всерьез говорили о необходимости посоветоваться с юристом? – спросил он.

Белла уверенно кивнула:

– Да, я намерена нанять барристера.

– Вы имеете в виду солиситора. Между ними есть разница. Если солиситор считает, что дело должно быть рассмотрено в суде присяжными, то связывается с барристером, который ведет дело в суде.

Она знала, что между этими адвокатами есть разница, но, честно говоря, не вполне представляла их функции. У нее никогда не было необходимости обращаться к юристам.

– Вы понимаете, что собираетесь выступить против опытного профессионала? – спросил герцог.

– Да.

– В зале суда я всегда выигрываю, Белла. – Его глаза сверкнули, но Белла не успела понять, какое чувство в них отразилось.

Она промолчала, но его слова не шли из головы. «В зале суда я всегда выигрываю».

Жизнь научила ее, что выживает сильнейший. Неужели ей предстоит это доказывать?

Глава 7

– Я почти ничего не знаю о вас, – сказал Блэквуд, – кроме того факта, что вы вдова. Вы родились в Хартфордшире?

Белла откинулась назад, опершись руками об уже прогретую землю.

– Нет, я родилась в Лондоне, но когда мне было семь лет, отец переехал в деревню. А когда мне исполнилось шестнадцать, мы переехали в Плимут, где годом позже я вышла замуж.

– Вы остались в Плимуте после замужества?

– Да.

– Я восхищаюсь работой инженера Джона Ренни. Его плотина в замке Плимут-Саунд, защищающая гавань, нечто потрясающее. Ваш муж работал над этим проектом? Или в доках?

Белла встревожилась. Что она может рассказать? Блэквуд умный человек и, несомненно, обладает развитой интуицией. Она много лет жила, скрывая свои истинные чувства от мужа, и путем проб и ошибок пришла к несложному выводу: необходимо говорить основы правды, но тщательно скрывать суть дела. Она не осмеливалась рассказать, до какой степени Роджер был подлым.

«Тревога!» – кричал ее внутренний голос. Когда деловые проекты Роджера не принесли ожидаемого дохода, он занялся нелегальными, незаконными делами.

Она стала перебирать цветы, лежащие на коленях, одновременно тщательно обдумывая слова.

– Роджер был торговцем, занимался импортом и экспортом. В основном лес, уголь, ячмень и пшеница.

– Вы долго были замужем?

– Семь лет.

– Вам не хватает его?

Белла некоторое время молчала, не зная, что ответить. Ей не хватает Роджера? Она благословляет каждый день, с тех пор как он перестал появляться на пороге ее спальни.

– Я смирилась с его уходом, – наконец сказала она.

Блэквуд подобрал еще один плоский камень и задумчиво уставился на него.

– Ваши родители живы?

Она понимала, что герцог добывает информацию. Он хотел знать, есть ли у нее семья, с которой она может жить, если его план выселения сработает.

– Нет. Мать умерла, когда я была младенцем, и я единственный ребенок в семье. Отец погиб вскоре после моего замужества. Экипаж перевернулся.

– Вы, должно быть, очень одиноки. Мне искренне жаль.

Именно искренность в его голосе заставила ее заговорить:

– Отец был чудесным, любящим человеком, и я благодарна Богу за него.

Блэквуд швырнул в воду камень, который держал в руке, и тот утонул, предварительно четыре раза подпрыгнув по поверхности. Белла обернулась к нему и с удивлением увидела, как потемнели его глаза. Что в них отразилось? Боль? Сожаление?

– Вы, наверное, храните нежные воспоминания о своих родителях? – спросила она. – Сами говорили, что Уиндмур-Мэнор напоминает вам о семье.

– Я никогда не знал матери. Она была горничной в семье старого герцога. Умерла при родах. Всю жизнь я считал себя незаконнорожденным, и семья старого герцога меня не признавала, – холодно сообщил он. – У меня есть единокровный брат, который вплоть до самого последнего времени считал себя наследником титула и обращался со мной как с бездомной

собакой, и бабушка, которая верила, что исполнила свой долг по отношению ко мне, оплачивая мою учебу сначала в школе, а потом в Итоне.

Джеймс поднял с земли еще один плоский камушек. Его длинные пальцы погладили гладкую поверхность.

Белла была потрясена его словами и прозвучавшей в голосе горечью. Она не ожидала от герцога такой истории. Он всегда выглядел таким уверенным в себе, как человек, чувствующий свое превосходство над окружающими.

Ей хотелось задать один вопрос: если он действительно незаконнорожденный сын, как ему удалось унаследовать герцогский титул?

Словно прочитав ее мысли, он сказал:

– Оказалось, что я все же был законным сыном и наследником. Так что зря моя высокородная семейка всю жизнь относилась ко мне как к грязному ублюдку.

Белла почувствовала жалость к сидящему рядом мужчине, хотя сама себе не смогла бы объяснить почему. Джеймс Девлин теперь герцог, обладатель огромного богатства и власти, так что жалеть его не было никаких причин. И все же... все же... Он никогда не знал материнской любви и преданности отца. Отец Беллы любил ее всегда, всем сердцем, без всяких условий, и только эти драгоценные воспоминания помогли ей выжить под гнетом мужа-тирана.

Она не хотела больше ничего слышать о Джеймсе Девлине, на самом деле не хотела. Она не желала, чтобы он стал для нее человеком, со всеми своими обидами и слабостями. Пусть уж лучше остается надменным испорченным аристократом. Но правда была в том, что он не был испорченным и познал немало трудностей. И в глубине души он был очень одинок – Белла не могла этого не почувствовать.

«Он был отвергнут, как и я. Только меня предал грубый эгоистичный муж, а его – семья».

– Как вы стали барристером? – спросила она.

– Я не мог представить себе, что буду выпрашивать каждый шиллинг у не признававшей меня семейки, чтобы выжить. После Итона я посещал Оксфорд, где познакомился с парнями, которые мечтали войти в один из четырех «Судебных иннов» и найти хорошего наставника. Меня приняли в «Линкольнз инн». Став барристером, я работал в конторе вместе с коллегами, которых вы сегодня видели. Я был вполне успешным юристом и мог легко обойтись без подачек семьи.

Белла даже не подозревала, что перед ней человек, сделавший себя сам. Она всегда полагала, что аристократы получают состояние и ни дня в своей жизни не работают.

– Но тогда зачем вам так нужен Уиндмур-Мэнор? Вы же говорите, что не испытываете теплых чувств к семье.

– Это единственное место, где старый герцог относился ко мне как к родному сыну. Я знаю эту землю как свои пять пальцев. Я здесь дома. Вы можете утверждать то же самое?

Белла взглянула на воду, на пару белых лебедей, зеленые холмы вдаль.

– Да, я чувствую себя здесь в безопасности.

Они несколько минут сидели молча, потом герцог встал и протянул женщине руку.

Она вложила руку в его ладонь и ощутила тепло сильных пальцев. Джеймс помог ей встать на ноги.

На его голову упал солнечный луч, и волосы блеснули, как черное дерево. Его лицо излучало уверенность, но теперь Белла поняла: то, что она раньше считала аристократическим высокомерием, было гордостью.

Ощувив нервозность под его пристальным взглядом, она опустила глаза и, чтобы не молчать, спросила:

– Как вам удастся бросать камушки так далеко?

Герцог явно не ожидал столь резкой смены темы разговора и засмеялся.

– Это очень просто. Нужно только найти плоский камень, и желательно с гладкой поверхностью.

Он наклонился, поднял подходящий камень и показал, как правильно его держать. Стоя за ней, Джеймс взял ее руку и изобразил бросательное движение. Белла вздрогнула, когда его широкая грудь коснулась ее спины.

Герцог склонился к ее уху.

– Ну а теперь попробуйте самостоятельно. Бросайте камень.

Остро чувствуя его близость, Белла подняла руку и, повторив его движение, бросила камень. Он утонул, один раз отскочив от поверхности воды.

– Ваши камни отскакивали четыре раза!

– Нужна практика. Я приходил сюда еще мальчиком и часами бросал камушки.

Белла сделала еще несколько попыток. Наилучшим был бросок, когда камушек дважды отскочил от поверхности воды.

– Вероятно, я никогда не смогу соперничать с вами. – Лишь только слова слетели с ее губ, Белла поняла, что они могут быть неверно истолкованы применительно к их будущим сражениям за собственность.

Герцог взял ее за плечи, повернул к себе лицом и заглянул в глаза.

– Я не это имела в виду, – тихо сказала она.

Несколько долгих мгновений они смотрели в глаза друг другу, потом взгляд Джеймса скользнул к ее губам.

– Я знаю.

– Мне нужно вернуться.

Его глаза потемнели. Он медленно поднял руку и коснулся ладонью ее щеки.

– Нет, – очень тихо сказал он. – Пока нет, Белла.

Все разумные мысли в мгновение ока покинули ее, когда Джеймс склонился к ней и его губы коснулись ее рта легким, словно летний ветерок, поцелуем. Потом он стал исследовать ее губы кончиком языка.

Реакция Беллы оказалась моментальной и непроизвольной. Все ее тело содрогнулось от острого наслаждения.

Ее губы сами по себе раскрылись, позволив его языку скользнуть внутрь. Поцелуй был опытным и соблазняющим, убеждающим и поощряющим ее ответ. Она неуверенно коснулась его языка своим и почувствовала, как отчаянно заколотилось сердце. Потом его поцелуй изменился, стал более требовательным. Белла ощутила, как где-то внутри загорелся огонь.

Ее никогда так не целовали. Собственно говоря, ее за всю жизнь целовал только один мужчина – Роджер, а он был жадным и грубым. Он всегда желал господствовать. Его не интересовало ее удовольствие – только капитуляция. Она быстро научилась сдаваться, чтобы не продлевать свои мучения.

Но Джеймс... Он касался ее лишь губами, и еще на ее щеке лежала его ладонь. Она могла в любой момент отстраниться, если бы захотела. Только у нее не было такого желания.

Впервые в жизни она почувствовала физическое влечение. Похоть. Это было сильное чувство, опасное оружие в их грядущем сражении. Внутренний голос говорил – нет, не говорил, кричал, – что если она позволит не принимать себя всерьез, то быстро лишится опоры в Уиндмур-Мэноре. Но все же отрицать зарождающуюся страсть было бы глупо. Белла и подумать не могла, что поцелуй может оказать на нее такое мощное воздействие, вызвать столь сильную реакцию.

Чуть подавшись вперед, она прижалась к груди мужчины, ощутила тепло его тела, вдохнула тонкий аромат одеколона – сандал и гвоздика.

Джеймс глухо застонал и оторвался от ее губ.

– Этого я не ожидал, – сказал он.

– Поцелуя?

– Нет, вашей реакции.

Очарованная блеском его глаз, Белла сделала попытку успокоить отчаянно бьющееся сердце.

– Это была ошибка.

Джеймс хрипло засмеялся.

– Главная ошибка – решение поселиться вместе. Но ведь ни один из нас не передумает, не так ли?

Она покачала головой.

Мужчина вздохнул и потянулся за своим сюртуком.

– Вернемся в дом?

Он подождал, пока Белла соберет разбросанные цветы, и они пошли обратно в полном молчании.

Стараясь не отстать от герцога, Белла ругала себя на чем свет стоит. Что на нее нашло? Она не только позволила себя поцеловать – она откровенно наслаждалась этим поцелуем. Да, герцог Блэквуд был сложным человеком, и жаркая страсть, которую она ощутила в его объятиях, одновременно волновала и пугала. Тяга к мужчине была для нее внове. Чувство было, несомненно, приятным, но чрезвычайно опасным.

Джеймс остановился, чтобы помочь спутнице перебраться через поваленное дерево, и взял ее за руку. Их взгляды встретились, и уже погасший огонек в глубине ее естества разгорелся снова. Впредь ей придется избегать встреч с этим мужчиной. Но как это сделать, если они теперь живут в одном доме?

Белла все еще размышляла над этим вопросом, когда они подошли к конюшням и рыжеволосый улыбчивый мальчик помахал Блэквуду рукой.

– Коутс сказал, что мальчик ваш конюх, это правда? – спросила Белла. – Он же еще совсем ребенок!

– Бобби только двенадцать, но он быстр, умен и понимает лошадей, как никто другой. Он поддерживает в конюшне безукоризненный порядок и может позаботиться о вашей кобыле тоже. Если вам что-нибудь нужно на конюшне, только скажите, и Бобби все сделает.

– Буду иметь в виду, ваша светлость.

– Джеймс. Вы опять забыли?

Белла непроизвольно вздрогнула.

Герцог поклонился.

– Мальчик хочет что-то мне сказать. Увидимся позже.

Она сделала реверанс и побежала в дом.

Джеймс проводил ее взглядом. Ему следовало бы испытывать удовлетворение, поскольку все идет так, как он задумал. Но он не учел мягкости женских губ, ее пылкой реакции на его прикосновения. А когда она устала сопротивляться своим желаниям и ответила на поцелуй, он почувствовал мгновенное возбуждение. Он желал прижать ее к себе, ощутить пышные формы, узнать, чем пахнут ее роскошные волосы. Почему-то ему казалось, что они должны пахнуть цветами, которые она собрала во время прогулки.

Он прервал поцелуй, и когда она подняла глаза, в них светилось удивление. Белла показала ему невинной и неопытной девочкой, которой очень хочется, чтобы он раскрыл ей тайны взаимоотношений мужчины и женщины. Но такого же быть не может. Она семь лет была замужем. Значит, она или превосходная актриса, или...

Джеймс тряхнул головой, удивляясь собственной неосмотрительности. Вероятно, проблема все же в нем. У него слишком долго не было женщины.

В течение нескольких последних месяцев список его дел в «Линкольнз инн» был очень уж длинным, а потом неожиданно в его жизни снова возникла вдовствующая герцогиня. И с тех пор Джеймс занимался неожиданно свалившимся на него наследством. И не важно, как часто он убеждал себя в том, что пренебрежение семьи теперь, когда он стал взрослым и состоявшимся человеком, ничего для него не значит. Уход старого герцога стал для него тяжелым ударом, и он до сих пор ощущал тяжесть на сердце.

Нет, определенно его пылкая реакция на Беллу Синклер связана с тем, что у него уже несколько месяцев не было подруги. В отличие от своего друга и коллеги Брента Стоуна Джеймс к этому не привык.

Что касается его речи на берегу, он вовсе не собирался рассказывать ей невеселую семейную историю – только то, что он унаследовал герцогский титул и произошло это недавно, – но искренняя грусть в голосе Беллы, рассказывавшей о своем погибшем отце, неожиданно вызвала в нем желание поговорить о собственном родителе. При этом ирония ситуации не осталась им незамеченной. Он привык вызывать свидетеля на откровенность, а вовсе не наоборот.

Должно быть какое-то решение. Он выиграет – в этом Джеймс не сомневался, – но вместе с тем не мог не думать о ней. Ривза рано или поздно найдут – никуда он не денется, и если выяснится, что денег у него уже нет, Джеймс предложит миссис Синклер возместить ущерб из своего кармана. Если она примет деньги и покинет его дом, то перестанет искушать его.

Это был хороший, надежный план. Белла – обычная женщина, ничем не отличающаяся от множества его прежних подруг и любовниц. Герцог понимал себя и отдавал себе отчет в том, что его теперешнее увлечение миссис Синклер может стать серьезной помехой в решении их деловых проблем. Теперь ему хотелось и уложить ее в постель, и одержать над ней верх в борьбе за собственность. Надо сосредоточиться и не позволить соблазнительной вдове отвлечь его от цели.

Глава 8

– Герцог просит тебя поужинать с ним.

Белла сидела за письменным столом в углу своей спальни. Перед ней лежал открытый блокнот, но она не написала ни одной строчки. Желание писать исчезло. Она обернулась к Харриет, которая ждала ответа.

– Пожалуйста, извинись перед герцогом и скажи новой кухарке, чтобы прислала мне ужин сюда, – сказала Белла.

Она слишком устала от сегодняшних событий, и последнее, чего бы ей хотелось, – это сидеть напротив Блэквуда за столом. Обуреваемая эмоциями, она желала побыть в одиночестве и разобраться в себе.

– Он захочет услышать это от тебя, – сказала Харриет.

Белла вздохнула.

– Я напишу ему записку.

Харриет вошла в комнату и закрыла за собой дверь.

– Ты должна встречаться с ним на равных, Белла. Это твой дом, и ты должна, как хозяйка, ужинать внизу в столовой, а не прятаться в своей спальне.

Белла встала.

– Только не сегодня, Харриет. На сегодня с меня хватит герцога.

Харриет села у окна и похлопала рукой по диванной подушке рядом с собой.

– Сядь, детка.

Белла вздохнула и села рядом со старой женщиной. Та всмотрелась в грустное лицо молодой хозяйки и тихо попросила:

– Расскажи мне, что случилось.

Белла прикусила губу и выпалила:

– Он меня поцеловал.

У Харриет просветлело лицо.

– Правда? И как это было?

Как это было? Этот поцелуй будет не так просто забыть. Даже сейчас, вспоминая, как его губы коснулись ее губ, она чувствовала, что кровь начинает течь по жилам быстрее.

В первый же день пребывания герцога в доме она пала жертвой его чар, ответила на его поцелуй. Судя по всему, на нее слишком сильно повлияли красота окружающего пейзажа, ласковое солнечное тепло, красивый мужчина рядом. Она была очарована грустью, пусть на короткое время, но все же, безусловно, появившейся на его лице, когда он рассказывал о своей семье. А когда он обнял ее, показывая, как бросать камень, она явственно ощутила незнакомое томление.

Герцог наверняка был опытным любовником. Она не могла не думать, что чувствует женщина в его постели. Она не знала других мужчин, кроме Роджера, но даже если основываться на одном только поцелуе, могла предположить, что с Джеймсом ощущения были бы совершенно иными.

Вот только мотивы Блэквуда представлялись весьма сомнительными. Он очень привлекателен и имеет успех у женщин. А если ко всем прочим качествам добавить его титул, женщины, должно быть, слетаются на него как пчелы на мед. А она, Белла, его противник, человек, мешающий ему получить желаемое.

Тогда почему он ее поцеловал?

Харриет нахмурилась.

– Он обидел тебя?

Обидел? Господи, нет, конечно.

Джеймс даже не удерживал ее, когда целовал. Она испытала чудесные, волнующие ощущения, а собственная реакция на них потрясла ее. Она бы даже под страхом смерти не призналась никому, что это он прервал поцелуй.

– Нет, он не обидел меня, – сказала Белла, – но он пытается мной манипулировать. Он хочет выжить меня из Уиндмура.

– Возможно, ты права, но как тебе понравился поцелуй?

Харриет могла быть упрямой, как терьер, когда хотела что-то узнать.

– Это было приятно, – ответила Белла.

Старая женщина смотрела на нее так, как бывало в детстве, когда Белла таскала недозволенные сладости из кладовой.

– Ты боялась, что он будет как Роджер. Зря. Роджер был всего-навсего больным ублюдком.

У Беллы все внутри сжалось, когда она вспомнила о пристрастиях своего покойного супруга. Роджер являлся к ней только сильно пьяным, выпив не меньше четырех больших кружек пива. Он был злобным и без алкоголя, но в сочетании со спиртным становился жестоким.

Тогда он и требовал исполнения супружеских обязанностей. Он гасил огонь в камине и требовал, чтобы она разделась перед ним и долго стояла обнаженной посреди спальни. Она лишь дрожала от холода и страха, зная, что ничего хорошего ее не ждет. Еще юной неопытной невестой она с ужасом обнаружила, что Роджер должен причинить женщине боль, чтобы возбудиться.

Белла была горда по природе и взирала на своего мучителя с ненавистью. И тогда им овладевал гнев, он заламывал ей руки, швырял на пол и бил. После первых месяцев «счастливого» супружества Роджер стал несостоятельным в постели, в чем обвинил свою молодую жену, утверждая, что она холодна как рыба, не умеет удовлетворять мужчину и потому недостойна быть его женой. Белла надеялась, что его визиты в ее спальню прекратятся, но не тут-то было. Единственным утешением оставалось то, что теперь он не мог ее насиловать.

Довольно скоро она услышала, как слуги перешептываются о том, что к Роджеру приходят шлюхи особого рода. Они властвуют над Роджером. Он им платит за то, что они бьют его хлыстом.

Белла была шокирована, поскольку Роджер всегда старался навязать ей свою волю – запирая ее в поместье или являясь к ней в спальню. Если бы она знала о его наклонностях, то с большим удовольствием взяла бы в руки хлыст.

Харриет взяла ее за руки.

– Я хочу только сказать, любовь моя, что ты абсолютно нормальная женщина. У тебя нет никаких отклонений. Я всегда боялась, что моральные травмы, нанесенные тебе мужем, окажутся тяжелее физических. Несмотря на обстоятельства, которые свели нас с герцогом, я рада, что он тебя поцеловал. Немного внимания такого красивого мужчины, как Блэквуд, окажет на тебя благотворное воздействие. Пора тебе узнать, что не все мужчины такие, как Роджер.

– А как насчет нашего спора относительно Уиндмура? – спросила Белла.

– Один поцелуй еще не значит, что ты отказалась от имущественных претензий, – усмехнулась Харриет.

Белла изо всех сил старалась казаться невозмутимой.

– Я не доверяю ему. Я не доверяю себе в его присутствии. – Еще немного внимания со стороны Джеймса, и ее планы на будущее окажутся под серьезной угрозой.

Джеймс сидел во главе стола в столовой, поглядывая на лакея, который внес первое блюдо. Новая кухарка, которую наняла Белла, приготовила черепаховый суп.

Даже после того как Коутс передал ему записку от Беллы, Джеймс решил остаться и поужинать в доме, а не в «Двух баранах». Он должен был заявить свои права и перед слугами, и перед женщиной, оставшейся наверху.

И он уже в сотый раз за вечер подумал о Белле Синклер. Ему было интересно, что она ест, одета ли она в ту же ночную рубашку, в какой была накануне ночью.

Сидит ли она в постели и наслаждается тем же черепаховым супом, что и он, или предпочла вместо этого холодный ростбиф? Так, но с какой стати его интересует, что она ест? Странно, но одна только мысль о том, что Белла в постели, возбуждала.

Один поцелуй. Всего один поцелуй, и он чувствует себя, как возбужденный подросток, который залез под юбку девочке.

Джеймс выронил ложку, которая тут же утонула в супе. Так не пойдет. Придется все же выйти из дому, несмотря на первоначальные намерения. Он пойдет в «Два барана», где крепкое спиртное, интересная беседа с Брентом и Энтони и, возможно, кокетливая улыбка служанки отвлекут его от мыслей о женщине, живущей с ним под одной крышей.

Белле не спалось. Тревожили воспоминания о бархатном тепле поцелуя. Мягкая настойчивость его губ оказалась для нее столь же неожиданной, как собственный пылкий ответ. Она погладила кончиком пальца свои губы и попыталась представить, что это губы Джеймса. Не получилось.

Уже давно перевалило за полночь, а Белла все еще ворочалась в постели. В тишине и уединении своей спальни она дала волю мыслям, которые теперь приняли уж и вовсе непристойный оборот. Что бы она почувствовала, если бы Джеймс не ограничился одним поцелуем, а стал исследовать губами ее тело?

Она представила, как он целует ее шею, плечи, грудь, как твердеют ее соски. Его прикосновения возбуждали, но он и не думал делать ей больно. Вот он коснулся языком ложбинки между грудями, а его рука, осторожно погладив живот, опустилась ниже, где между бедрами пульсировало сладкой болью ее женское естество...

Белла хрипло застонала, потом резко села и отбросила смятые простыни. Встав, она подошла к окну, распахнула его и глубоко вдохнула прохладный ночной воздух, искренне надеясь, что он охладит ее разгоряченное тело.

Что с ней случилось? Джеймс Девлин появился в Уиндмур-Мэноре и уже через день сумел лишить ее и логики, и осторожности. Ей двадцать четыре года, она вдова, за плечами семь лет брака, но никогда в жизни она не испытывала настоящей страсти. А теперь сгорает от желания при одной только мысли о мужчине.

Но, Боже правый, почему ее так сильно тянет именно к этому мужчине? Она для него всего лишь досадная помеха, и свои намерения он выразил вполне ясно.

«В зале суда я всегда выигрываю».

Белла ухватила за подоконник – неожиданно у нее от слабости подкосились ноги. Это, наверное, от бессонницы. Ей необходимо хотя бы немного поспать, чтобы быть готовой к новой встрече с герцогом днем.

Когда она не могла уснуть после визитов в ее спальню Роджера, Харриет всегда поила ее теплым молоком, в которое добавляла несколько капель бренди. Белла уже протянула руку к звонку, но заколебалась и решила не будить старую женщину.

Больше не было риска наткнуться на Роджера, разгуливая ночью по дому. В тот первый и последний раз, когда это случилось, Роджер пришел в ярость и заявил, что она назначила свидание любовнику. После этого он запер ее в комнате на неделю. Белла едва не сошла с ума и больше не выходила из комнаты ночью, если рядом не было Харриет.

Но теперь все изменилось. Харриет слышала, как Блэквуд сказал своему камердинеру, что уходит в гостиницу «Два барана» на встречу с друзьями и вернется поздно. Так что Белла

вполне может спуститься вниз, приготовить себе теплого молока и даже побродить по дому, если ей захочется. Пусть оживет в памяти ее первая ночь в этом доме, когда она еще не знала о существовании Блэквуда.

Белла взяла свечу и вышла из комнаты. Она как раз подошла к лестнице, когда услышала в холле веселый женский смех, которому вторил мужской смех. Блэквуд!

Как он осмелился?

Значит, она лежала в постели без сна, изнемогая от первого в жизни желания, вызванного его дерзким поцелуем, а он где-то развлекался и теперь вернулся в ее дом с женщиной!

Белла сбегала вниз по лестнице и увидела, как Блэквуд передает свою шляпу и женский плащ Коутсу. Тот, заметив хозяйку дома, вцепившуюся в перила лестницы, поклонился и исчез.

Рука незнакомой женщины лежала на рукаве Блэквуда. Ее золотистые волосы были уложены в замысловатую прическу, голубые глаза имели необычный экзотический разрез – как у персидской кошечки. Женщина была удивительно красива, и Белла решила, что это очень дорогая блудница, которую может позволить себе только герцог.

Белла застыла в напряжении. Если Блэквуд считает, что может водить в ее дом таких женщин, он здорово ошибается.

Герцог и его подруга оглянулись.

– Белла, – удивленно проговорил он, – я и не подозревал, что вы полуночница.

Она подняла голову и смело встретила его взгляд.

– Убирайтесь вон! Мне наплевать, что вы герцог, барристер и что вы первым зарегистрировали свое чертово свидетельство. Я не позволю, чтобы вы водили сюда женщин. Отправляйтесь в гостиницу, снимите там комнату и делайте что хотите. – Все это она выпалила на одном дыхании тоном, не допускающим возражений.

В ответ Блэквуд расхохотался.

– Я вас предупреждал, что жизнь под одной крышей с холостяком чревата некоторыми неудобствами. Но еще не поздно передумать.

Белла едва не задохнулась от возмущения:

– И вы еще смеете насмехаться надо мной, ваша светлость?!

В его глазах плясали смешинки.

– Только не говорите, что мы снова вернулись к сугубо официальным отношениям.

С явным неудовольствием Белла покосилась на герцога. Его глаза смеялись, но голос был твердым.

– Перестань дразнить ее, Джеймс, и представь меня.

Джеймс. Женщина назвала его Джеймсом.

Ее фамильярность и обращение по имени означали, что это не случайная подружка, которую он привел на одну ночь, а давняя знакомая, с которой у него были отношения. Возможно, постоянная любовница?

Белле неожиданно захотелось плакать.

– Ну, если ты настаиваешь... Хотя, должен признаться, ее реакция в высшей степени забавна. Белла, позвольте вам представить леди Эвелин Хардинг, супругу моего друга и коллеги Джека Хардинга.

Леди Эвелин сделала шаг вперед и приветливо улыбнулась:

– Очень рада с вами познакомиться. И приношу свои извинения за столь поздний визит. Мы планировали приехать только через несколько дней, но процесс, в котором должен был участвовать мой муж, внезапно отложили, и мы решили не откладывать поездку. Мы бы прибыли раньше, но по дороге у экипажа отвалилось колесо. Не знаю, сколько бы нам еще пришлось ждать на дороге, но судьбе было угодно, чтобы нас заметил Джеймс, возвращав-

шийся домой из «Двух баранов». Мой муж сейчас ставит лошадей в конюшню. Я искренне надеялась, что мы разбудим только конюха.

Белла растерянно заморгала и уставилась на улыбающуюся блондинку. Только теперь она обратила внимание на изысканное дорожное платье из фиолетового шелка с кружевами и лайковые перчатки. Блэквуд назвал ее «леди Эвелин», значит, она дочь аристократа и сохранила титул, хотя и вышла замуж за человека, его не имеющего. Ну как тут не растеряться?..

– Полагаю, вы должны извиниться, Белла, – сказал герцог.

– Не глупи, Джеймс, – поморщилась леди Эвелин. – Миссис Синклер мне ничего не должна. Вполне понятно, что ей показалось недопустимым прибытие незнакомой женщины среди ночи с холостяком в ее дом.

Последние слова блондинки не остались незамеченными Беллой. Она назвала Уиндмур ее домом.

Что это, случайная оговорка? Или леди Эвелин может стать ее союзницей?

Белла почувствовала, что краснеет, и виновато посмотрела на гостью.

– Герцог прав. Пожалуйста, простите мое поспешное суждение и грубость, леди Эвелин. Почту за честь, если вы и мистер Хардинг будете гостями в Уиндмуре.

– Благодарю вас за гостеприимство.

Белла взглянула на ее изысканное одеяние и сообразила, что сама стоит босая и из одежды на ней только ночная рубашка и шаль. Проводить высокую гостью и ее супруга в комнату для гостей в таком виде она не могла.

– Если его светлость окажет любезность и проводит леди Эвелин в гостиную, я позабочусь, чтобы приготовили комнату для гостей.

– Отличная идея, – хмыкнул Джеймс. – Чувствую, что разум к вам вернулся.

Белла сдержала чуть не слетевший с губ резкий ответ, твердо решив больше не спорить. Хватит глупостей для одного вечера. Она дождалась, пока герцог с дамой завернут за угол, и лишь убедившись, что они скрылись из виду, побежала будить прислугу и готовить апартаменты для неожиданных гостей.

Эвелин Хардинг была приятно удивлена, когда Джеймс проводил ее не в гостиную, а в библиотеку. Она была дочерью графа, но ее отец, до того как унаследовал титул, был барристером, так что детство Эвелин прошло в «Линкольнз инн», среди книг и захватывающих споров.

Она прошлась по библиотеке, нежно глядя кончиками пальцев цветные корешки томов, стоящих на полках из красного дерева. В комнате приятно пахло книгами и отполированным деревом. Повернувшись к госте спиной, Джеймс налил в стаканы виски.

– Все эти книги были здесь, когда ты приехал? – спросила Эвелин.

Джеймс обернулся и сделал глоток.

– Да, судя по всему, отец ими больше не пользовался, а человек, которому он продал поместье, некто сэр Ривз, перепродал его вместе с мебелью и книгами. – Он указал на одну из полок. – Эти книги я привез с собой.

Эвелин знала всех барристеров, работавших вместе с ее мужем, в течение пяти лет. Ей нравился и Brent Стоун – красавец с непроницаемыми голубыми глазами, которые, казалось, хранили множество тайн, и Энтони Стивенс – боксер и заядлый спорщик, жесткий и циничный. А Джеймса Девлина – нового герцога Блэквуда – она всегда считала самым противоречивым. Для нее не была тайной его репутация повесы, и она отчетливо помнила их первую встречу, состоявшуюся еще до ее замужества.

Она встретила Джеймса в «Линкольнз инн», куда пришла в поисках Джека Хардинга, который должен был представлять ее дело в суде. Джеймс с ходу принялся отчаянно флиртовать с ней, попутно уговаривая сменить барристера и утверждая, что он в конторе самый ком-

петентный. Его нелепые выходки рассмешили Эвелин, и когда она отказалась от его услуг, он только пожал плечами, приподнял шляпу, пожелал ей удачи и ушел.

Она никогда не одобряла образ жизни Джеймса – его бесконечных любовниц, в том числе из числа жен клиентов, – но после ее замужества Джеймс всегда относился к ней с большим уважением, и Эвелин привыкла считать его, так же как Брента и Энтони, своим другом.

– Как дела у Филиппа? Я обещал вашему малышу пони, – сказал Джеймс.

В лице Джеймса трехлетний сын Эвелин обрел любящего дядюшку.

– Ты его испортишь, – усмехнулась Эвелин.

– Я серьезно отношусь к роли дядюшки.

Эвелин вздохнула.

– Филипп, мне кажется, развит не по годам. Знаешь, мы его впервые оставили на няню, и я ужасно скучаю. А тебя он обожает, ты же знаешь.

– Только не приписывай мне лишнего. Довольно легко изображать заботливого родственника, когда знаешь, что в конце дня вернешь мальчика его родителям и освободишься.

– Хм. – Эвелин нелегко было обмануть. Джеймс, безусловно, умел обращаться с детьми. Возможно, в этом ему помогало собственное легкомыслие.

Но сегодня он вел себя очень странно. По пути он рассказал ей и Джеку о неожиданном появлении в Уиндмуре вдовы, и Эвелин поняла, что он хочет заставить ее отказаться от претензий на поместье. Но потом она получила возможность увидеть Беллу лично и услышать, как та решительно выступила против Джеймса. Герцог сохранил внешнюю невозмутимость, но за напускным спокойствием Эвелин с удивлением обнаружила напряжение. Дело было явно не только в претензиях красивой вдовы на его собственность.

«Я вас предупреждал, что жизнь под одной крышей с холостяком чревата некоторыми неудобствами. Но еще не поздно передумать», – сказал он Белле. И хотя та взглянула на него с откровенным вызовом, между ними словно вспыхнули искры.

Эвелин была давно знакома с Джеймсом и до сих пор не знала ни одной женщины, которую он не сумел бы очаровать, если поставил перед собой такую задачу. Он наслаждался полной свободой и всячески избегал эмоциональных привязанностей. Были женщины, которые хотели большего, чем разделить с ним постель, заверявшие, что любят его, однако он сразу рвал такие связи. Холостяцкая жизнь, утверждал он, есть воплощение свободы. Зачем же все портить? Обзавестись женой и детьми можно когда-нибудь потом.

Он редко рассказывал о своем прошлом и отвергшей его семье. Другим было известно, что его мать умерла, когда он был младенцем, и что сам он – незаконнорожденный сын герцога Блэкуда. Вдовствующая герцогиня оплатила его жилье и образование и сочла свои обязанности по отношению к нему выполненными.

Отец проводил с Джеймсом одну неделю в году, и Эвелин понимала, что именно по этой причине он так хочет оставить в своей собственности Уиндмур-Мэнор.

«Подумай, как бы ты себя чувствовала, если бы отец проявлял к тебе привязанность ровно неделю в году и игнорировал все остальное время?» – как-то спросил Джек. Эвелин, которая выросла с любящим отцом, не могла представить себе ничего подобного.

Несмотря на свое прошлое, Джеймс сумел найти дорогу в жизни и достиг немалых успехов в избранной профессии. Но уроки юности не прошли даром, и он научился контролировать свои эмоции.

Ну а что происходит между ним и Беллой Синклер? Неужели Джеймс наконец нашел себе пару? Эвелин покосилась на герцога, который, присев на подоконник, медленно потягивал виски.

– Как твои успехи с миссис Синклер? – спросила Эвелин.

– Ты имеешь в виду, собирает ли она вещи?

– Она первой купила поместье, Джеймс. Это может стать весомым аргументом в суде.
– Ты говоришь совсем как Брент.
– Иными словами, Брент Стоун на ее стороне?
– Не удивлюсь, если вы все окажетесь на стороне этой женщины.
– Тебе следовало бы проявить больше сострадания. Все-таки она потеряла мужа.
– Кстати, о муже. Здесь что-то не складывается. Я попросил Энтони, чтобы он послал за своим сыщиком, – сказал Джеймс.

– Ты хочешь пустить сыщика по ее следу? – не в силах поверить в услышанное, спросила Эвелин.

– Ты знаешь, как работают барристеры, Эви. Мы должны знать все факты.

– Но это же не одно из твоих обычных криминальных дел, Джеймс! Она ни в чем не виновата, так же как и ты. Ни один из вас не знал, что продавец – мошенник, – отметила Эвелин.

Раздался негромкий стук в дверь. Синие глаза Джеймса в ожидании уставились на дверь. Вошла горничная и сообщила, что комнаты для гостей готовы. За ее спиной появился муж Эвелин – Джек Хардинг. Но в лице Джеймса Эвелин заметила нечто странное. Если бы их не связывала многолетняя дружба, она могла бы поклясться, что он разочарован тем, что Белла Синклер не появилась сама.

«Интересно», – подумала леди Хардинг.

В комнату вошел ее муж, и Эвелин с улыбкой направилась к нему. Она влюбилась в этого мужчину со светло-каштановыми волосами, зелеными глазами и приветливой улыбкой в тот самый день, когда он впервые вошел в кабинет ее отца. Тогда ей было двенадцать лет.

– Что с нашим экипажем? – спросила она.

– Нужен кузнец.

– В Сент-Олбансе есть хорошей кузнец. Мы пошлем за ним завтра. А вы будете желанными гостями в Уиндмуре сколько захотите, – сказал Джеймс.

Джек Хардинг огляделся.

– Здесь великолепная библиотека. Ты знаешь, как моя жена любит книги.

– Да. Подозреваю, она очень скоро захочет их использовать для изучения некоторых законов о собственности, – сухо заметил Джеймс.

Джек улыбнулся и с любовью пожал руку Эвелин.

– Если она сосредоточит свое внимание на чем-то, тебе ни за что не удастся сбить ее с пути.

Глава 9

Приезд леди Эвелин Хардинг оказался неожиданной удачей для Беллы. Через три дня весть о прибытии нового герцога Блэквуда разнеслась по ближайшему городу – Сент-Олбансу.

По мнению Беллы, тот факт, что холостяк живет в одном доме с вдовой, имеет скандальный оттенок. Но, к ее немалому изумлению, оказалось, что многие посчитали замужнюю леди Эвелин прекрасной компаньонкой для нее. Белла радовалась присутствию четы Хардинг не только из-за того, что они отвлекли Блэквуда, который проводил большую часть времени со своими коллегами барристерами: выяснилось, что леди Эвелин очень мила и искренне дружелюбна.

Вдова всячески старалась избегать Блэквуда: активно занималась распаковыванием вещей и училась самостоятельно вести хозяйство, – но в конце третьего дня их совместного проживания в Уиндмур-Мэноре все дела кончились и потребовалась новая тактика. Блэквуд не уехал и вроде бы вовсе не изнывал от деревенской скуки. Белла поняла, что ей придется больше узнать о герцоге, и понадеялась, что леди Эвелин ее просветит.

Имея это в виду, Белла отправилась на поиски гостыи и узнала у ее мужа Джека Хардинга, что та большую часть времени проводит в библиотеке.

– Она всегда там, где книги, – усмехнувшись, сообщил Джек.

Постучав, Белла открыла дверь в библиотеку. Эвелин сидела за массивным дубовым столом, перед ней были разложены открытые книги. От света, струившегося из расположенного за ее спиной окна, светлые волосы отливали золотом.

Белла тихо подошла.

– Извините за беспокойство, миледи. Не хотите ли выпить со мной чаю на террасе?

Эвелин приветливо улыбнулась:

– Прошу вас, называйте меня Эвелин. Вы позволите называть вас Беллой?

– Конечно.

– Вы были неизменно добры к нам, за что я вам очень признательна. Но вы должны понимать, что у нас с мужем нет секретов друг от друга и я знаю о споре между вами и Джеймсом. Мне интересны друзья мужа, и я их очень люблю, – сообщила Эвелин.

Белла встревожилась. Неужели она совершила ошибку, посчитав, что со стороны Эвелин угрозы нет?

– Понимаю, – напряженно сказала она.

– Но это не значит, что у меня нет собственного мнения. – Лицо гостыи осветила задумчивая улыбка. – Мне представляется, что ваше положение вовсе не так опасно, как он хочет вам внушить.

Удивленная и растерявшаяся Белла могла только спросить:

– Вы говорите о герцоге?

– Да.

– И о нашем споре относительно владения этим имением?

– Да.

– Блэквуд утверждает, что законность его прав не подвергается сомнению, потому что он первым зарегистрировал свое свидетельство, а то, что я приобрела имение первой и первой в него въехала, значения не имеет, – сказала Белла.

– Я внимательно изучила законодательство о собственности и существующие прецеденты и пришла к выводу, что все не так однозначно. Большинство судов действительно считают, что тот, кто первым зарегистрировал свидетельство на право собственности, является законным владельцем. Но неоднократно принимались решения и в пользу того, кто пер-

вым приобрел собственность и стал ее фактическим владельцем. Понимаете, каждый случай весьма специфичен.

Белла подошла к гостье и заглянула ей через плечо. Хоть она была образованна и начитанна, толстые юридические книги, в которых часто встречались латинские термины, напоминали ей шифр, к которому нет ключа.

– Как вы понимаете то, что здесь написано? – вырвалось у нее.

Эвелин хихикнула и посмотрела на Беллу снизу вверх.

– Все-таки я дочь барристера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.